

СОВЕТСКИЙ

Эпик

24 · 88

НУЖНО ПЕРЕБОЛЕТЬ

Фестиваль, проходивший в Свердловске, мне, как и многим, понравился: здесь собралось необычно большое количество предельно острых по проблематике и современных по форме фильмов. Причем часть — из ряда гонимых, нашедших на фестивале хоть какой-то выход к публике. Не случайно вместо пяти призов, которые априори были у нас в распоряжении, мы присудили девять, можно сказать, вытребовав у оргкомитета еще четыре приза, а ведь ряд общественных жюри присудили сверх этого еще немало наград.

Пусть не покажется, что мы были излишне щедры, нет, жюри исходило из реальной ситуации. Чрезмерное количество призов, спору нет, способно девальвировать награду, как это и случается на различных наших фестивалях. Но здесь, в Свердловске, ни у кого не возникло впечатления, будто мы излишне либеральны, — наоборот: чаще спрашивали, почему еще вот такой-то ленте ничего не дали...

Совершенно бесспорно главный приз получил фильм Г. Франка «Высший суд» (Рижская киностудия). Напрасно кому-то может показаться, будто гражданственность этой ленты носит некий локально-психологический характер. Нет, это не просто история о том, как приговоренный к смерти убийца ожидает казни, — это обо всех нас, о том, как мы живем, как людей, рожденных матерями для добра, счастья и любви, сначала превращаем просто в людей слабых, никудышных, а потом и в преступников. Тут идет речь о мере нашей духовности, о смысле жизни, лишившись которого люди готовы лезть в петлю, о нашем милосердии, нашем коллективизме, о нашем правосудии... Фильм вроде бы очень прост, но это простота внешняя, за ней стоит духовная коллизия величайшего напряжения, — недаром же оператор поседел в ходе съемок. Тут речь и о духовном космосе конкретного человека, и о духовном здоровье общества в целом. И фильм показывает, что мы, увы, нездоровы.

Первый приз — у «Черного квадрата» (ЦСДФ, режиссер И. Пастернак), второй — у ленты «Старая трава» (Новосибирское ТВ, режиссер В. Соломин). Фильмы эти — плод весьма серьезных исканий, волнующие благородством своего гражданского пафоса, обладающие высокими художественными достоинствами.

Дополнительных специальных призов мы добивались потому, что встречались фильмы, весьма непохожие на все остальные, что и хотелось особо подчеркнуть, выделить. Например, «Острова» Р. Геворкянца («Арменфильм») были награждены, как мы сформулировали, «за высокохудожественное выражение более и тревог о судьбах народа и общества». Этот фильм, с одной стороны, очень остро отражает острые социальные коллизии в жизни Армении, а с другой — исполнен исканий в области киноязыка, выходит на философские размышления о жизни вообще.

Так же, как и общественное жюри, мы отметили ленту А. Рудермана «Театр времен перестройки и гласности» («Беларусьфильм») и достаточно отчетливо определили, чем она оказалась нам ценной: специальный приз был присужден «за непримиримость в отстаивании идей перестройки». Авторы фильма идут на предельно острый конфликт с сильными мира сего (в масштабах Белоруссии), с людьми (что показал дальнейший ход событий), способными причинить немалые неприятности. И сделан он ярко — с выдумкой, с игрой.

Короткометражные ленты тоже очень порадовали, выбор был обширный, тем веселее, думается, победа фильма «Конд» («Арменфильм», режиссер А. Хачатрян), получившего первый приз. Вышло так, что оба армянских фильма, представленные на конкурс, обрели награды вопреки старому шаблону, согласно которому подразумевалось некое обязательное рассеивание по принципу регионального представительства. Мы от этого принципа отказались решительно. Будь моя воля — я бы и еще одну белорусскую

Впечатления председателя жюри первого Всесоюзного фестиваля негрового кино

картину выделил — «Боль». Она, быть может, имеет некоторые конструктивные изъяны, можно к режиссеру предъявить ряд претензий, но сам факт смелого вызова, брошенного такому сверхмогущественному оппоненту, как военное ведомство, причем на взрывоопасной теме афганской войны, — это акт большого гражданского мужества, который общественность, бесспорно, должна отметить и оценить.

«Конд» — это фильм о глубинах нашей народной жизни, столь долго остававшихся за пределами внимания нашей социологии, нашей пропаганды, нашего искусства. И показывает он не просто какие-то «упущения» и противоречия, а вообще тот жуткий предел, за который, увы, уже, кажется, заступил наш простой человек, «хозяин страны», столько раз воспетый за высокий уровень советского образа жизни.

В чем-то сродни ему и второй призер — фильм «В воскресенье рано...» (Укркинохроника, режиссер М. Мамедов), сделанный при всей остроте проблематики и с юмором (порой доходящим до горькой иронии), и лирично, любовно. Представьте: старушки-пенсционерки, вооружившись топорами и пилами, отправляются валить-пилить лес, чтоб запастись дровишками на зиму, — с песнями, шутками... Вот семидесятилетняя женщина взваливает на себя бревно (я такое, может быть, и не поднял бы!), грузит его на телегу и не видит в этом чего-то особенного, ненормального. Такая уж жизнь — ко всему приплыли...

Специальные призы для короткометражных картин тоже имеет смысл назвать. Например, фильм «Прикосновение» А. Арлаускаса (он сделан, подчёркну, на учебной студии ВГИКа — мы подобные работы не часто награждаем) — «за трагическое киноповествование, предъявившее высокой счет нашей совести», как мы сформулировали. Тот, кто этот фильм видел, к нам, наверное, присоединится: ведь речь тут о страшном разломе, в нашей нравственности происходящем. С одной стороны — обездоленные судьбою люди, слепоглухонемые из Загорского детдома, с другой — наша официальная педагогика, представленная очень милой учительницей, объясняющей, что бессмысленно пытаться вытягивать этих несчастных детишек до каких-то интеллектуальных высот; стоит ли, мол, пробуждать в них высокие потребности, которые они не смогут удовлетворить? Под личиной жалости — жестокая мораль о сверхке, который должен знать свой шесток: раз такие уродились — так пусть сидят в сапожной мастерской, и не более того. И нам становится стыдно не только за эту учительницу, но и за нас самих перед лицом этих людей, которые, как наглядно демонстрируется в фильме, способны на высочайшую духовность, на предельную интеллектуальность, на верную дружбу...

Еще одного приза — «за яркое воплощение лучших традиций свердловской школы кинопублицистики» — удостоился фильм «Леший» режиссера Б. Кустова: тут мы учли и то, что на фестивале присутствовало несколько фильмов Свердловской киностудии, которые каждый по отдельности тоже могли бы быть награждены, и саму непростую обстановку на студии — обстановку борьбы за право говорить правду. Механизмы торможения здесь давно сложились и до

сих пор не преодолены — можно хотя бы вспомнить судьбу фильма «Тайное голосование», который до сих пор так и не получил права на легальное существование.

Среди фильмов, отмеченных наградами общественного жюри, — «Мария», «Тот, кто с песней...», «Боль», «В преддверии ада», «Завтра праздник», «Сердолик», «Помогите нам жить», «А прошлое кажется сном...». И, наверное, еще не меньше пятнадцати фильмов можно было бы как-то одобрить.

Все ли было так замечательно в репертуаре фестиваля? Нет, конечно. Это мы и отметили в итоговом меморандуме, принятом участниками. Прочитую два абзаца из него.

«Смелость и новизна большинства фильмов проявляется в первую очередь в выборе материала и в гораздо меньшей степени в поиске путей его художественного и публицистического осмысления. Более того, на наших глазах старые штампы рискуют смениться новыми: Из фильма в фильм кочуют одни и те же мотивы: молебны, разрушение церкви, похороны, тюремный быт, часто одни и те же кадры старой хроники, в качестве знака времени звучат одни и те же мелодии.

Дело, естественно, не в самих мотивах. Их появление вполне закономерно. Настораживает однообразие, формальный характер их использования, зачастую подменяющий собой осмысление жизни в ее конкретности и богатстве проявлений».

Огорчили телефильмы — они явно не выдерживали прямого соревнования с кинокартинами (вот только «Старую траву» мы и смогли отметить). Видимо, такова уж пока рабочая атмосфера на телестудиях: привычная невзыскательность в сочетании с ограничениями на творческие порывы. Да и в области финансово-технической оснащенности они отстают.

Неважное впечатление произвело представленное на фестиваль научно-популярное кино — просто вспомнить нечего. Не случайно, говоря на фестивале о «Черном квадрате», мы настойчиво подчеркивали, что этот фильм в каком-то отношении может служить примером для работ подобного жанра. Хотя это и вовсе не научно-популярный фильм, но он, помимо своей публицистичности, силен и чисто познавательно: небольшая киноэнциклопедия развития нашего авангарда в искусстве.

Суммируя впечатления от Свердловского фестиваля (а увидели мы больше восьмидесяти фильмов), могу сказать вот что: очень зримо были показаны в ходе его глубины народной жизни. Если в журнальной публицистике больше внимания уделяется разработке проблемных моделей (что, разумеется, имеет непосредственное отношение к народной жизни), то здесь с экрана чаще всего говорит сам народ: это его боль, его мысли, его оценка событий прошлых и нынешних. И вот, например, миф о том, что весь простой народ сплошняком очень высоко ценит Сталина и любил его беззаветно, представленные в Свердловске фильмы достаточно убедительно опровергают. Другое дело, что прежде этот простой народ не мог открыто выразить то, что думает, — только сейчас задним числом кое-что удается ему сказать.

Вообще, когда смотришь подряд все эти фильмы о нашей жизни, сегодняшней и вчерашней, это производит весьма тяжелое впечатление. Мы рассказываем правду о себе, и правда эта очень горькая. Но мы должны ею переболеть. Тяжело, но нужно. Не лгая себе, мы должны высказать все, чего мы стоим, мы должны произвести эту непростую духовную работу для того, чтобы произошло очищение и мы бы могли с открытой душой смотреть и в будущее, и в глаза другим народам. Горькое это лекарство не всем нравится, но оно должно дойти до зрителя. И чрезвычайно жаль, что наш кинопрокат по-прежнему не выработал четких механизмов быстрой реализации кинопродукции вообще, не говоря уже о самой острой, которая нарочито тормозится и задерживается на пути к людям.

Фильмы о наших экологических ошибках, причинах их возникновения — какие они? Какова роль кинематографа в выработке конструктивных путей решения экологических проблем?

Г. Р. ИВАНИЦКИЙ,
биофизик,
член-корреспондент АН СССР,
лауреат Ленинской
и Государственной премий

Локальные катастрофы при взаимодействии человека и природы возникали давно. Тревогой охвачены многие слои общества, пресса наполнена статьями на эту тему. С одной стороны, развитие промышленности приводит к росту кислотных дождей, уничтожающих растительность, к выбросам в атмосферу вредных веществ, способствующих возникновению озонных дыр, повышению солнечной радиации, а следовательно, к возможному росту генетических и онкологических заболеваний. Широкое использование химических удобрений и ядохимикатов в сельском хозяйстве стало причиной ухудшения продуктов питания; привело к загрязнению рек и морей, что грозит уменьшением запасов питьевой воды. Загрязнение воздуха вызывает увеличение бронхитов, астмы и других заболеваний. После Чернобыльской трагедии особое беспокойство связано с надежностью атомной энергетики. А обеднение генофонда планеты?! Ведь уже навсегда исчезли многие виды животных и растений. Число омрачающих нашу жизнь примеров велико, бумеранг интенсивного экономического развития больно бьет по здоровью людей.

С другой стороны, недавно было отмечено рождение 5-миллиардного жителя планеты. До конца нынешнего столетия для расселения людей может потребоваться еще 3 тысячи новых городов по 1 миллиону каждый. Сегодня таких городов насчитывается более трехсот. Продолжительность жизни людей в целом возросла, ослаблено влияние инфекционных заболеваний; развитие техники и медицины по-новому заставляет взглянуть на проблемы, связанные с рождением и смертью. Если раньше велось обсуждение исключительно жизнеспособности человека, то сегодня всерьез рассматривается вопрос: имеет ли право человек на смерть?

Такова реальность! Как совместить рост народонаселения, необходимость развития эконо-

**В
ГОРУ
ПО
КРАЮ
ПРОПАСТИ**

мики с сохранением природы как естественной среды обитания человека? Где же выход из этой противоречивой ситуации? Означает ли это, что человечество попало в ловушку, из которой нельзя выбраться ценою малых потерь?..

Мне нравится притча о мышленом ребенке, суть которой в том, что если существует стимул и сформулирована задача, то почти всегда найдется неожиданное решение: пытаюсь занять маленького сына, отец вырвал из журнала страницу с изображением карты мира и порвал на мелкие кусочки. Затем отдал обрывки сыну со словами: «Я свожу тебя в зоопарк, если ты соберешь из них карту». Отец был уверен, что сын будет заниматься этим весь день и оставит его в покое. Однако через десять минут малыш закончил работу. «Как тебе это удалось? Ты разве знаешь географию?» — удивился отец. «Папа, ты не видел, что на обратной стороне изображен рисунок человека. Я составил из кусочков этот рисунок, а на обороте получилась карта!»

Сегодняшнее человечество — это ребенок, который еще не продемонстрировал свой разум и в отличие от описанного случая только пытается методом перебора сложить единую картину феномена человека, чтобы сформулировать пути решения глобальных проблем. Люди поспешили, назвав себя гомо сапиенс (человек разумный). 40 тысяч лет назад сформировался в процессе эволюции наш вид — это исчезающе малый период времени на фоне зарождения жизни на планете. Истоки нашей цивилизации отстоят от нас едва ли на 4 тысячи лет. Таким образом, мы только начинаем осознавать свое место в глобальных процессах природы. Нам пока гораздо лучше подходит название гомо экономикус (человек хозяйствующий, потребляющий).

Долгое время существовала иллюзия, что экологические проблемы порождаются капиталистической системой. Новое мышление заставляет пересматривать эту точку зрения. Эти проблемы носят общечеловеческий характер. Острота болезни коррелирует с интенсивностью промышленности, плотностью населения, потерей культурных традиций и главное — с отсут-

ствием демократичности законодательных форм принятия ответственных решений.

Фильмы, снятые на экологические темы, подтверждают эту мысль. Прежде чем писать статью, я посмотрел целый ряд новых киноработ: «Яма» (Литовская студия), «Против течения» («Леннаучфильм»), «Томь. Драма с открытым финалом» (Западно-Сибирская студия), «Сколько стоит пейзаж» (Свердловская студия), «Куда идет Гигант?» (Ниже-Волжская студия). Они различаются смелостью режиссерских решений, операторским мастерством, силой эмоционального воздействия и тем не менее оставляют чувство неудовлетворенности ЧАСТНОСТЬЮ предлагаемых решений.

Конечно, фильмы, констатирующие конкретные просчеты, порою весьма страшные по своим последствиям, необходимы, как газетные публикации или «Прожектор перестройки». Они позволяют привлечь внимание общественности. Но нельзя винить во всех бедах научно-техническую революцию, нельзя забывать, что знания, большим трудом добываемые в естественных науках, порождающие блага цивилизации, не содержат внутри себя понятий добра и зла. Критерия гуманизма не существует где-то в природе вне человека. Ошибки в использовании достижений НТР делают конкретные люди. Они несут ответственность за это. Однако замена одного руководителя на другого не страхует от повторения ошибок, если радикальным способом не изменена вся ситуация и психология социальной системы.

Все развитие человеческого общества основано на противоречиях и компромиссах и для своего осмысления требует диалектического подхода. Диалектика как мировосприятие не может содержаться в творениях НТР. Диалектика — это область человеческого ума, духовной сферы, она должна быть заложена в социальную систему, отражая наши слабости и заблуждения в восприятии и прогнозе развития окружающего мира и поиске путей их преодоления.

Как сохранить природу и обеспечить экономическое развитие общества? Природа — это часть культуры, и именно такое отношение должно быть

к ней у всех народов. Еще в 1939 году австрийский логик и математик Курт Гёдель сформулировал и доказал теорему, суть которой сводилась к следующему. В любой замкнутой системе утверждений всегда появляются высказывания, о которых нельзя сказать, истинны они или ложны. Эта теорема убила надежды на создание любых логически замкнутых систем взглядов, которые могли бы претендовать на роль абсолютной истины и безошибочно предсказывать траектории развития социальных систем. Все попытки декларировать создание таких систем неизбежно приводят к догматизму, а следовательно, к гибели замкнутых мировоззренческих концепций.

Выход из этой ситуации один — образование. Человечество привыкло к тому, что накопление — это вещи, машины, материалы, наконец, деньги. В условиях НТР главная форма накопления — это накопление знаний, накопление активных и образованных людей, то есть человеческого капитала. И очень важно, чтобы каждый осознал, что он прежде всего часть общечеловеческого сообщества, а потом уже последователь каких-либо учений. В глобальном плане новое мышление человечества основывается на поиске точек соприкосновения различных учений и доктрин. Люди должны усвоить опыт предыдущих поколений без купюр и предвзятости, развить в себе критическое восприятие негативных мировых процессов; приобрести умение пользоваться своими правами, уважая при этом права других; научиться рассматривать проблемы своей страны как составную часть проблем мирового сообщества. Без этого невозможно решение вопросов экологии.

Необходимы фильмы или даже целые сериалы с философским обобщением проблем взаимоотношения человека и природы, фильмы-исследования с поиском глобальных конструктивных решений. К сожалению, таких мировоззренческих, философских фильмов на наших студиях еще нет. Сейчас ведется обсуждение способа создания международной видеоэнциклопедии, осуществление такого киносериала в рамках ЮНЕСКО стало бы важной гуманистической акцией.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

РАССКАЗ О ТРАГИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ

Лет тридцать назад, когда мы с Дунским только-только начинали работать в кино, на роль молодого героя первой пятилетки пробовался у нас артист Георгий Жженов. Он не был тогда ни народным, ни заслуженным, но на пробе сыграл лучше всех. Да и внешнею он очень подходил: волевое, привлекательное лицо, кряжистая фигура, сильные руки рабочего человека — в запястье каждая шириной с две мои. И все-таки режиссер не утвердил его, сказал: староват, вот если бы лет на пятнадцать моложе... Да, подвели артиста те полтора десятка лет, которые он провел в сталинских лагерях и ссылках. Правда, та же причина помешала и нам написать эту роль на двенадцать лет раньше. Но наши двенадцать не идут в сравнение с жженовскими полутора десятками. Он и сел в самые плохие годы, и попал в самые плохие места. (Впрочем, и в наше относительно благополучное послевоенное время Юлий Дунский побывал на лагунке, где смертность достигла 160%: при списочном составе в тысячу человек умирала за год тысяча шестьсот. Свято место пусто не бывает: одни умирали, других присылали на смену.)

После первой встречи прошло много лет, и Георгий Степанович сыграл главную роль в нашем «Экипаже» — картине, которая своим успехом у зрителей обязана в немалой степени мужественному обаянию артиста. А в промежутке между двумя этими встречами виделись мы редко и еще реже разговаривали о прошлом. Тем интереснее было мне читать автобиографические новеллы Жженова, собранные в тоненькой книжке под названием «Омчagsкая долина»*.

Сейчас о лагерях пишут много, и авторы — особенно те, кто знает о лагерной жизни понаслышке, — чаще всего упрощают картину, четко деля население «страны Лимонии» на две категории: жертвы и палачи. Но те, кто побывал там, помнят, что дело обстояло не так просто. Они и пишут по-другому — зачем пугать, когда и так страшно?.. Почитайте воспоминания, скажем, Льва Разгона. И почитайте Жженова.

Человек, повидавший и испытавший на своем веку многое, Георгий Жженов знает, что правдивую картину жизни, даже лагерной, не написать двумя только красками, черной и белой. Автор не стесняется рассказывать о минутах своей слабости и тем самым показывает свою силу. Он не боится, наперекор литературной моде, высвечивать человеческое в натуре лагерного начальника — и тем самым делает намного значительней рассказ о трагическом времени, когда злою волей Сталина страна была искусственно разделена на два враждующих стана, когда арестанты не понимали — за что, а их охранники боялись даже себе задать вопрос — для чего?..

В «Омчagsкой долине» рассказывается не только о лагере. Говорится там и о не безоблачном — и все-таки счастливым — детстве автора, о первых успехах молодого артиста Жженова на арене цирка и на экране довоенного кинематографа (он успел сняться в фильмах «Ошибка героя», «Наследный принц Республики», «Золотые огни», «Комсомольск», «Чапаев»). Горечь, гнев, нежность, юмор — все это есть в этой небольшой книжке. Нет только страха перед жизнью. Прочтите — если достанете. Тираж солидный — 150 000. Но не так уж это много, если учесть, что сразу на обложке — портрет любимого артиста и название любимого журнала: библиотека «Огонек».

Валерий ФРИД

* Георгий Жженов. Омчagsкая долина. — М., изд-во «Правда», 1988.

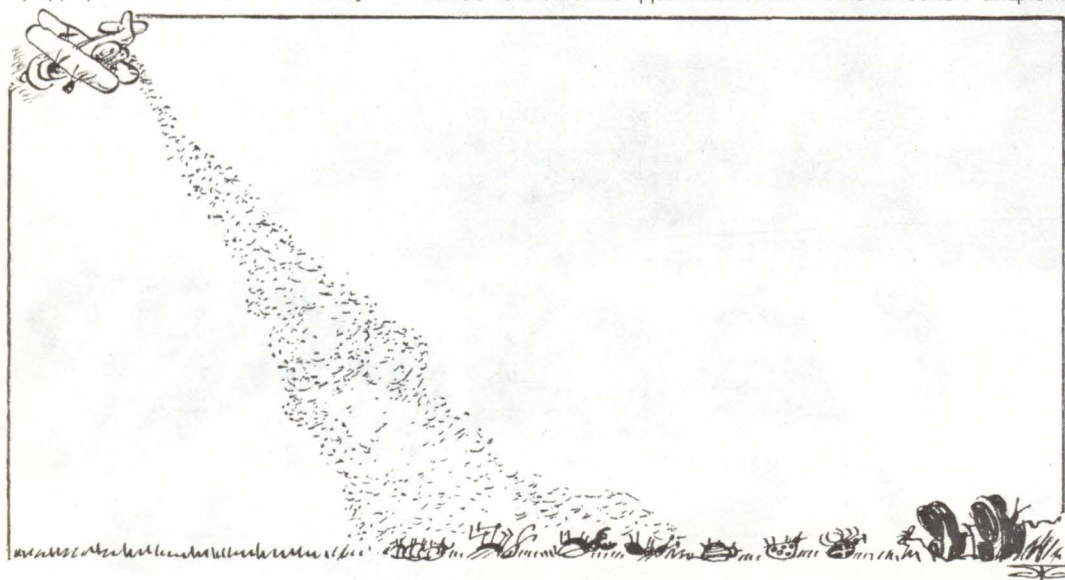
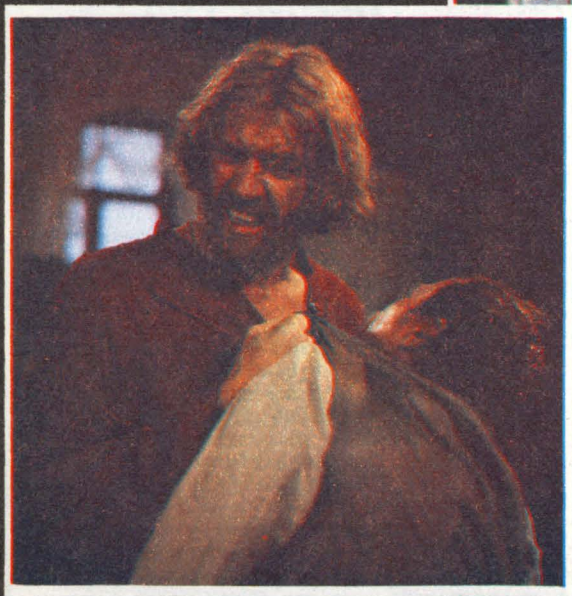

Рисунок О. Теслера

Сергей — А. Абдулов

Дом, подворье и службы купца третьей гильдии Зиновия Борисовича Измайлова выросли в Подмосковье на краю деревни Турчино, неподалеку от Пущина. Эти места давно полюбились кинематографистам: бескрайние поля, отороченные у горизонта лесами, спокойная и живописная Ока. Дом Измайлова появился так естественно, будто стоял здесь всегда, — добротный, обстоятельный. Из окон столовой просматриваются две церкви — одна натуральная, кладки красного кирпича, другая — макет, но сделанный так точно, что сливается с краснокирпичной. За высоким забором — несколько макетов домов провинциального городка. Киностудия «Мосфильм» при участии швейцарской компании «Медиактюэль С. А.» снимает картину по мотивам очерка Николая Лескова «Леди Макбет Мценского уезда». Напомню: сочинение Лескова датировано 1865 годом.

ЛЕДИ МАКБЕТ МЦЕНСКОГО УЕЗДА

Катерина Измайлова —
Н. Андрейченко

Фото Валерия Кречета

Пока актеров гримируют и одевают в кухне, брожу по измайловскому дому, обставленному с поразительной точностью в деталях, давящему благосостоятельным унынием, и вспоминаю лесковские слова: «Везде чисто, везде тихо и пусто, лампы сияют перед образами, а нигде по дому ни звука живого, ни голоса человеческого... Скука купеческого дома, от которой весело, говорят, даже удавиться...» Да, хорошо поработали художники-постановщики А. Самулкин и С. Меняльчиков!..

Самулекин возникает как чертик из бутылки в разных концах залитого солнцем двора. То кур подзовет и бросит им горсть семечек с кусочками яблок, то выпустит из клетки молочного поросенка, то проверит сбруи, висящие на амбарах.

Оператор П. Лебешев и режиссер-постановщик Р. Балаян колдуют с камерой у одной из дверей амбара. Камера то отъезжает к центру двора, то почти вгрызается в деревянную дверь, заглядывая в щелочку. Снимать будут проход Катерины Измайловой вдоль амбара и — в щелочку — измену Сергея своей хозяйке с кухаркой Аксиной. Этого эпизода у Лескова нет. Но фильм, как уже говорилось, снимается «по мотивам», и опытный драматург П. Финн вместе со своим соавтором Балаяном внесли в него некоторые коррективы, в том числе и сюжетные, разбив, как мне кажется, прежде всего следующий тезис писателя: «Развернулась она вдруг во всю ширь своей проснувшейся природы и такая стала решительная, что и унять ее нельзя... Он влюбил ее в себя до того, что меры ее преданности не было никакой. Она обезумела от своего счастья; кровь ее кипела...»

— Вы говорили еще во время работы над фильмом «Храни меня, мой талисман» о страстном и давнем желании поставить фильм по «Леди Макбет...» Чем это вызвано? Ведь эта вещь, кажется, не очень современна? — спрашиваю Романа Балаяна.

понимаем силу любви Катерины, дьявольских ощущений любви, которая посетила эту женщину и вызвала страшные события — убийство мужа, убийство маленького Федя — ради Сергея. Я пытаюсь не наблюдать, как она это сделала, а помучиться сам. Сам вместе со зрителями хочу пройти ее путем и понять, как подобное стало возможно...

Хочется познать сложность человека — от самой грязи до самого светлого. Захотелось поступков, потому что последнее время (ну, частично за исключением «Филера») я снимал отсутствие поступков. Захотелось безоглядных чувств... Все это непросто, но материал, на мой взгляд, благодатнейший...

Наталья Андрейченко, играющая Катерину Измайлову, ленивой полусонной походкой, подперев бока руками, вышла из клетки, выпустив на волю поросенка, и прошла мимо двери, не ведая, что за этой дверью происходит. Потом появились из амбара Аксиныя (Татьяна Кравченко) и Сергей. В Сергее — длинноволосом, белокуром, со светлой бородой — не сразу узнавался Александр Абдулов. Как выяснилось позже, Балаян не предполагал приглашать его на роль, Абдулов добился ее и «живет» в ней блестяще.

Камера переместилась в дом, расположилась в столовой. На стол поставили щедрое угощение, увенчанное жареным гусем с печеными яблоками. Пока Андрейченко переодевали в красивое изумрудное платье, делали специальную прическу, в столовой репетиро-

валась сцена с приездом городского головы (Всеволод Ларионов), принесшего Катерине Львовне неприятную весть: появился новый наследник — маленький Федя Лямин. Ларионов просто купался в тексте, а Андрейченко предстояло молча, на крупном плане, пережить это поистине трагическое для ее героини известие.

— Я работаю, а потому безмерно счастлива, — сказала мне Андрейченко.

Немного словно, но убедительно. А Балаян потом добавил: «Я намеренно отошел от внешнего стереотипа в выборе лесковских героев. Чтобы приблизить их к нам, взяты лица сегодняшние. Наташа поражает безоглядностью, некоей размашистостью, стихийностью. Ей не надо играть поступательность чувств. У нее от состояния нуля до состояния пик переход немедленный. Именно такими я представляю глаза и темперамент Катерины... А в Абдулове, не в обиду ему, есть нечто, что позволяет его типу пользоваться безумным успехом у женщин. Этим нельзя было не воспользоваться. Но как он играет!..»

Спрашиваю Балаяна о том, что самое сложное в работе над фильмом.

— Эротические сцены.

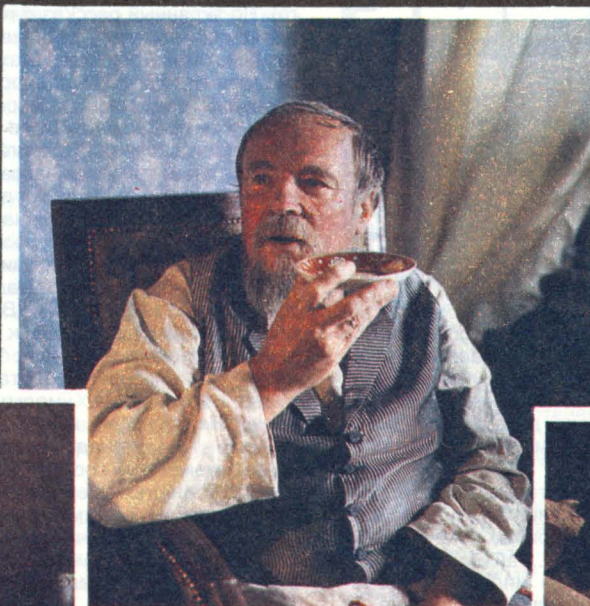
— Это дань приближения к современности?

— Нет, это закономерность. Без них вся история была бы фальшивой. Кстати, у нас гораздо меньше таких сцен, чем у Лескова. Просто у него это литературно написано — словами, — а нам надо снимать... Но без этой плоти картина бессмысленна...

В светелке на втором этаже снова колдовали со светом. На дворе еще было солнце, а снимать надо было ночь, возвращение Зиновия Борисовича (Николай Пастухов). Пока Зиновий Борисович, стараясь максимально держать себя в руках, пил чай, расспрашивая Катерину о жите-бытье в отсутствие супруга. Но страсти накалялись...

Наталья ЛАГИНА

У постели Федя — О. Илюхин

Зиновий Борисович — Н. Пастухов

Утоление страсти

— Может быть, и несовременна, потому что она о ком-то, о некоем патологическом случае. Но для меня это не о ком-то, а обо мне, о вас, о возможности возникновения или проявления такого же. Я имею в виду возможность подобных поступков при возможности такой любви, как у Катерины Измайловой. То есть, нам кажется, что это о ком-то, только по одной причине: мы не

Здесь они увидели друг друга впервые — Сергей и Катерина

премьеры ноября

...Тысячу лет назад пришло к нам в редакцию — по поводу фильма «Семь невест ефрейтора Збруева» — зрительское письмо с уопительным адресом: Москва, Часовая, 5-6, «Советский экран», ДЕВУШКЕ, КАКОЙ ПОПАЛО. Письмо, как видите, добралось (пусть и не к девушке). И до слез насмешило, поразило, запомнилось чуть ли не навсегда тем, как точно нашли друг друга фильм и зритель, ефрейтор Збруев и адресат «девушки, какой попало».

Андрей ЗОРКИИ

САМОЕ МАССОВОЕ НЕКАССОВОЕ

...Но за прошедшее столетие ситуация в кино и вокруг резко изменилась. Постарели ефрейтор Збруев и его зритель вместе с «девушкой, какой попало».

С другой стороны, исчезли как будто фильмы, снимавшиеся в подавляющем большинстве для самоуспокоения начальства и рисовавшие ложную картину мира. Появились ленты (в основном на молодежном и антикультурном материале) повышенного, даже обостренного зрительского спроса. И вместе с тем, как всегда бывает, когда уходит большая, пусть и розовая вода,

резко обнажилось прежде нечто нёобозрешаемое, небрежно спихиваемое с экрана заграничными боевиками — то ли «придонное», то ли «глубоководное» кино. И как-то отчетливо выявилось, что на сегодняшний день мы располагаем самым массовым некассовым кино в мире.

Машенька и Катенька. Два прелестных женских имени. В самом начале войны появился фильм «Машенька» Е. Габриловича и Ю. Райзмана, оказавшийся необходимым миллионам зрителей в тылу и на фронте. Сегодня на

экраны выходит фильм «Катенька» В. Михальского и Л. Белозоровича, с какой-то даже беззащитной трогательностью не способный откликнуться на вопрос: «Зачем, почему, для кого он снят?» К чему погружаться (правда, по циклолотки) в отдаленнейшее время, в канун аж первой мировой войны, в исчезнувший быт российской провинции, ее интеллигентских «гнезд», всматриваться в милые личики барышень, примеривать едва ли не сюртук и судьбу доктора Живаго (здесь доктор Марков), если в кадре нет ничего, кроме очаровательной приблизительности, скромной вторичности и наивных реминисценций, навеянных серьезной прозой, опиравшейся на время? Мы не экранизируем Бунина, Булгакова, Пастернака. Экранизируем Михальского. Не потому ли, что, по мнению Студии имени М. Горького, некая ограниченность нашей литературной классики (в сравнении с «Катенькой») заключалась в том, что в судьбах ее героев не прослеживались, скажем, годы коллективизации или запуска первых искусственных спутников? Да, персонажи-должители из «Катеньки», бывшие бомбисты-эсеры и провинциальные барышни, походя отреагировали на эпидемию тифа в 1914-м... на 1937 год... и даже на «летающие тарелки»... Но, бога ради, как вообразить себе если не взыскательную, то хотя бы заинтересованную аудиторию подобной картины?

...Ну, хорошо, поплывем тогда открывать Антарктиду. Нас приглашает любезно с собой экспедиция Ф. Ф. Беллинсгаузена из фильма «Странник» (сценарист Э. Володарский, режиссер М. Ведышев, Студия имени М. Горького). Но экранный рассказ о героическом плавании пестрит ученическими погрешностями в режиссуре, аховой игрой актеров и волюющей бедностью постановочных средств. За бугром Россия, и мы уже прогуливаемся по чисто подметенной декорации Копенгагена («две шага налево, три шага направо») с этим датским солдатиком в мохнатом «шапо»... А вот высадка на о. Святой Елены, где томится «супостат Буонапарте», слава богу, сконфузившийся показаться нам на глаза... Теперь в виду — Антарктида!.. В просторе океана подворачивается к шхуне со всех сторон настырный, как блоха, один и тот же айсберг (сработанный, как видно, ялтинскими умельцами)... Но полно! Нет в нашем кино заповеди: не можем — ну, и не надо, не умеем — так и не будем!! Ну, постояла бы еще не открытой (на юношеском киноэкране) Антарктида и, быть может, дождалась бы своего заветного часа, однажды глянув на нас не черноморскими пейзажами и убогими декорациями.

Вы не задумывались, почему столь давно и помпезно задуманный цикл фильмов о «жизни замечательных людей» не принес нам за многие годы ни одной яркой удачи? Куда там! Иной раз авторы сценариев застенчиво снимали свои фамилии, оставляя на заклание высокие имена героев. Почему? Да потому, что «замечательный человек» это еще далеко не «замечательный фильм».

И то же самое происходит с нашим бесконечным сериалом историко-революционных картин. В фильме «Пять писем прощания» (сценарист А. Зурабов, режиссер Ю. Ерзинкян, «Арменфильм») взят новый фактографический материал (биография поэта, драматурга и комиссара Красной Армии Александра

Вермишева) и «обмундирован» в обветшалый реквизит множества прежних и будущих поделок «на тему гражданской войны». Бабы и дамы, рестораны и бронепоезда, «лимонки» и квелые огурцы, офицеры со злыми рожами и застенчиво потупившиеся интеллигенты... Все по кадрикам и в целом уже где-то было. И будет. Разве что в «Пяти письмах...» из свежеструганных декораций столь тщательно откачан воздух какой бы то ни было жизни, что, кажется, герои гундят в «пустой бочке времени» и у актера, обряженного в довольно известного военачальника, вот-вот отпадет «игровая» борода с усищами...

И биографический материал подан на редкость неинтересно! Правда, мельком, походя мы узнаем, что Александр Вермишев был (оказывается) автором прогрессивного на весь мир — даже голосом Федора Шляпина! — романа «Очи черные». Тут, как при ярчайшей вспышке, вдруг возникает абрис какого-то необыкновенного, захватывающего, блистательно сфокусированного фильма о знаменитом романсе и комиссаре-романтике, погибшем от рук злодеев-мамонтовцев, наверное, тоже певавших «Очи черные!» Но романс на экране нам даже не дают послушать. Его заглушают авторы фильма и... сам автор романа, рассуждающий в это время о чем-то малоинтересном. Штрих знаменательный! Воинствующе антизрительский!

В трех этих картинах, в их откровенной безадресности, во множественности подобных им вариаций на историческую и географическую, моральную

«Хареба и Гоги»

и аморальную, хозяйственную и бесхозяйственную и прочую тематику возникает нынешний контур нашего самого массового некассового кино. Стыдливо не решаясь (несмотря на все призывы, вопли!) поделить на честный, четко выверенный, социально запрограммированный массовый зрелищный кинематограф и кинематограф проблемный, серьезный, авторский, штучный (все понимают, о чем речь), мы всеми ста шестьюдесятью фибрами, то бишь производственными единицами, надуд щеки, тарачимся «в гении». А не получается! И нигде, ни у кого не получалось. Ни в Америке, ни во Франции, ни на Сейшельских островах. У нас нет культуры крепкого, рядового, четко адресованного зрителю фильма. И происходит

ряться за мир во всем мире, помогает (бок о бок с «Маленькой Верой» и «Ворами в законе») вытягивать надорвавшегося кинопрокату годовой план: При всем постановочном сумбуре и забавной сюжетной путанице фильм «Заклятие Долины Змей», поставленный польским режиссером Марекком Пестраком, обладает мускулами, реактивностью и прилизительной схожестью (как наши кооперативные блузоны) с продукцией мирового рынка. Недаром искусственные киноведы, хихикая, прокатились по поводу конкурентоспособности фильма Пестрака с всемирно известными фильмами американца Спилберга. Что сказать на сей счет? Покуда «Челюстей» и «Инопланетянина», «Ближних контактов третьего вида» и «Индиана Джонса» и т. д. ни в зарубежном разделе проката, ни в собственном производстве у нас нет, следует все же учиться и на этом зрелищном плацдарме кроить собственные, ноские и броские изделия, пользующиеся массовым спросом у населения. И ни через «Человека с бульвара Капуцинов», и не через «Заклятие Долины Змей», ни через «Воров в законе» здесь не перепрыгнешь. Да и не нужно. Ведь кому-то надо собирать в пустующие кинозалы зрителей, не востребовавших «Катенек» и «Странников», их многочисленных компаньонов и компаньонку из «самого массового некассового».

При этом равновесие на ристалище искусства и коммерции лишь восстанавливается!

Я вновь (после прошлогодней «Одесской альтернативы») с удовольствием просмотрел благородный, черно-белый, неторопливый грузинский вестерн «Хареба и Гоги» режиссера Георгия Шенгелая. Вот типично некассовый и немассовый боевик. (Боевик по уровню искусства и профессионального владения жанром!) Так же, как, увы, немассовы и Честертон, и Эдгар По даже в сравнении с сиюминутной выпечкой какой-нибудь «библиотечки» полувоенных и полумилицейских приключений. (У нас еще надолго сохранится повод и для размышлений о том, что превращает в глазах широкой публики картины народные, как «История Аси Клячиной...», в «элитарные», «трудные», «клубные». Не тяжкий, муторный ли груз того самого массового некассового?)

Разумеется, «Хареба и Гоги» выше по всем параметрам «Заклятия Долины Змей», в том числе и в зрелищности, на должном уровне понятной. Пусть же посмотрит его более узкий круг более требовательных зрителей. Ведь мы ратуем не за самое массовое кассовое. Мы за дифференцированность. За четкую, ясную адресность картин.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЧЕРНОГО МОНАХА

Думаю, что этим критериям отвечает и прекрасная, народная и интернациональная по духу картина «Комиссар» А. Аскольдова (о ней подробно писал «СЭ» в № 21, 1987), через 21 год заточения, через головы и уже завершившиеся карьеры своих гонителей пришедшая к нам на экран. Более того, в сегодняшнем мире «Комиссар» вступает с еще более настоятельной необходимостью.

Думаю, что принципам адресного кино отвечает и совсем новая картина «Черный монах», поставленная по одноименной повести А. П. Чехова дебютантом большого кино Иваном Дыховичным. Она «получит своего изысканного зрителя, окупит некие затраты», как несколько элегически отмечает рецензент «Огонька» А. Кагарлицкая. Предположу от себя, что «Черного монаха» посмотрят с интересом и неизысканные зрители, почему-то тоже интересующиеся кино. И наверняка у фильма найдутся оппоненты, каковым до некоторой степени является и автор этих строк.

Меня не устраивает (впрочем, предложенная не И. Дыховичным, а А. Ка-

«Вы чье, старичье?»

гарлицкой) наивно-простодушная трактовка жизненной истории и болезни Коврина, как «нормального безумия» («Герой Станислава Любшина не просто не безумен — он нормален...» — декларирует критик). Но об этом А. П. Чехов написал другую книжку — «Палата № 6». Меня огорчило визуальное исчезновение на экране черного монаха, которого все же зачем-то тщательнее обрисовал Чехов. Может быть, я совершенно не изыскан, но мне как-то было бы не по себе и без Призрака в «Гамлете».

Картина И. Дыховичного полемична скорее не присутствием, а отсутствием в ней и важных чеховских мотивов, и внятной режиссерской трактовки. Я бы сказал, что нечто ключевое, решающее, режиссерское упущено, забыто в ней, как... Фирс в небыздвестной усадьбе.

Иное дело: в чарующей пластике этого фильма, в его полифонической изобразительной среде (пейзаж, движение, мизансценирование, портреты), созданной кинокамерой Вадима Юсрова, не без присутствия, конечно же, режиссера, нам открываются совершенно новые возможности постижения чеховского мира и времени. Об этом можно говорить много и с безграничным восхищением. И мне представляется очень точной и по-чеховски тонкой формула жюри Венецианского фестиваля, отметившего «Черного монаха» призом за лучшее изобразительное решение.

ТИШЕ ЕДЕШЬ — ДАЛЬШЕ БУДЕШЬ?

...После разразившегося бенефиса «Маленькой Веры» современная тематика на ноябрьском экране выглядит достаточно скромно.

В «Скором поезде» (сценарий Е. Ласкаревой, режиссер Б. Яшин, «Мосфильм») промелькнуло, прогромыхало по шпалам неприкаянное жить-бытьё официантки-разносчицы из вагона-ресторана Оли Корневой, матери-одиночки, без своего угла, без любимого человека, с таким же неустроенным синишкой Антоном-Корешком. Собственно, скорый поезд здесь незатейливая метафора бестолково, бесцветно и безрадостно проносящейся жизни.

В иных нынешних фильмах принято словно бы невзначай, мельком помечать дату изображаемых событий, переадресуя их к периоду застоя. Так и в «Скором поезде» — прямо на железнодорожной насыпи выложено: «План 1981 г. — досрочно!» Смешно! Разве вагон-ресторанное воровство, грязь, хамство «на колесах» и за насыпью существовали лишь в том досрочно выполненном 1981-м? Разве что-нибудь всерьез изменилось (кроме изничтожения подарочных наборов с коньяком и шампанским, которыми идет бойкая ретроторговля в «Скором поезде»)?.. И если изменилось, то что же впереди?

А впереди Мурманск, куда случайно заносит героиню. Там, неся в охапке свежий вагон-ресторанных палтусов, она знакомится с прохожим Рыбаковым, режиссером народного театра и светлым неприставучим человеком (не в пример грубой соседке по общежитию Килькиной). Ольга уступает Рыбакову дефицитных палтусов. Начинается какая-то театрално-рыбная история, долженствующая явить Ольге совершенно иной мир, где нет ресторанных воров Паши, его сожительницы Лидки, наглых пассажиров, вездельных ревизоров и т. д. и т. п.

Нет, хоть и талантливая Елена Майорова удается очертить острый и нервный силуэт молодой женщины, мне куда более по душе не «Скорый поезд», а тихходный фильм «Вы чье, старичье?», поставленный старейшим нашим режиссером Иосифом Хейфицем по одноименной повести Бориса Васильева. Здесь вдумчивое, психологически и социально глубокое, без всякого налета конъюнктурности и наинейшего набора «негатива» исследование проблемы одиночества стариков, их горькой нищечности и ненужности никому и острейшего дефицита милосердия: не просто в государственных службах, а — что куда печальнее — в нас самих, вроде бы самых близких и самых отчужденных. К тому же это и «доброе старое кино», с многогранными приметами мастерства драматургии, режиссуры, актерского вживания, а не вбегания в кадр.

Ну, а лучший фильм ноября 1988 года?

Он был снят двадцать один год назад. «Комиссар» Василия Гроссмана и Александра Аскольдова. «Комиссар» Нонны Мордюковой и Ролана Быкова.

«Заклятие Долины Змей»

затоваривание ненужной, невостребованной продукцией. (Этаким по виду глубоководным, но малосъедобным макрорусом.)

О БОЕВИКАХ МАССОВЫХ И НЕКАССОВЫХ

Но вот поделались! И снова неладно. Еще не выйдя в широкий прокат, уничтожающему критическому разгрому подверглись «Воры в законе» — и где?! — на фестивале зрелищных фильмов в Одессе! «Три К — Конъюнктура, Коммерция и Кич», присоединившись к мнению зрительского жюри, провозгласила неофициальная критика, с удовольствием обнаружив на административном взгорке высвободившуюся скамью, с которой можно формулировать, учить и стращать. Там же, в Одессе, повыбивали зубы бедным «Десяти негрятям» и поставили фингал под «Очи черные».

У меня задача более скромная. В ноябрьском репертуаре идейно выдержанный коммерческий боевик «Заклятие Долины Змей» (совместное производство «Таллинфильм» (СССР) и «Око» (ПНР). Он не живописует, как «Воры в законе» (пусть даже сквозь невидимую миру критиков иронию), сладкую жизнь мафиози, калеча души наших восприимчивых зрителей и отвлекая их от борьбы за мир. Всеми своими кобрами и гадюками, буддийскими монахами и длинноногими парижанками, лазерными лучами и древними амфорами, инопланетянами в саркофагах и красотками без ничего, он, бо-

ШПИОНА

Вилли — Б. Бабаускас

Режиссер Кальё Кийск и

его

В 1967 году за уютным столиком в кафе встретились два человека — эстонский режиссер Кальё Кийск и латышский журналист Виктор Лоренц. Дымился кофе, Лоренц рассказывал о войне, вернее, об одной потрясшей его истории. Потрясение передалось слушающему, и тут же возник замысел. «Через два месяца я приеду к тебе за готовым сценарием», — сказал Кийск. А через год эстонские зрители были захвачены фильмом, который врубался в сознание, заставлял думать. Авторы «Безумия» исследовали фашизм как бы изнутри самого этого чудовищного явления.

В фильме собран «звездный» актерский ансамбль, даже эпизодические роли отданы таким мастерам, как Хуго Лаур и Юозас Мильтинис. Но особенность фильма в том, что нет здесь отдельных лиц, индивидуальных человеческих судеб и характеров. У большинства героев вместо имен определение: врач, гестаповец, человек № 1, редактор и так далее. Обобщенные человеческие и социальные типы, порожденные фашизмом, являются для К. Кийска и объектами, и инструментом тщательного философского анализа. И вывод из этого анализа один — фашизм как нечеловеческая сущность человека и общества перешагивает границы разума. Он несет болезнь без надежды на выздоровление — безумие.

...Через ворота лечебницы, увенчанные изображением шутовского колпака с позванивающими на ветру колокольчиками, проходит отряд эсэсовцев во главе с лейтенантом. Они пришли завершать дело, ставшее для них рутинным, — убивать. Марксисты, евреи и партизаны уже уничтожены, настала очередь сумасшедших. Больные, каждый на свой лад, приветствуют эсэсовцев. Кто-то из обитателей больницы пытается пристроиться к марширующим солдатам, кто-то восторженно кричит: «Ура! Да здравствуют наши освободители!» Наигрывая на губной гармошке, кружится вокруг фонтана человек с остановившимся взглядом...

У ворот с шутовским колпаком останавливается дорожная бричка. Из нее выходит маленький, верткий человек с пронизывающими глазками-буравчиками, в черной паре, котелке, с саквояжем в руках. Его приезд приостановил неминуемую расправу, но внес сумятицу и беспокойство в размеренную, тихую жизнь «дома скорби». А приехал штурмбанфюрер Виндиш (Юри Ярвет) с особой миссией. По сведениям, полученным гестапо «из

достоверных источников», среди больных скрывается английский шпион. И гестаповец Виндиш, как истинный профессионал, скрупулезно готовит операцию по его выявлению. С этого момента фильм обретает гротесково-детективную окраску. Начинается «черный театр» Виндиша, его привычное лицедейство. Уже не штурмбанфюрер, а заботливый врач в белом халате, он с пристрастием допрашивает, простите, расспрашивает больных. Нет, никаких истязаний и пыток! У гестаповца собственный метод, который не даст ему ошибиться. Маленький человек, облеченный большой властью, упоен сознанием собственного величия. Он кажется себе властелином мира, а уж человеческих душ и подавно. Подать сюда души поочередно!

Вот человек № 1 с военной выправкой и глазами, вылезавшими из орбит (Вацлав Бледис), он называет себя «фюрером». Вот безумный фельдфебель (Броннос Бабкаукас), его как-то уж слишком подозрительно мучает совесть. Вот изолгавшийся редактор-алкоголик (Валерий Носик). Вот робкий и застенчивый юноша (В. Плют), который, стыдясь своих голубых «арийских» глаз и светлых волос, из сердобольства ходит в гетто. Вот доносчица (Маре Гаршнек), измученная видениями своих жертв.

У Виндиша сдают нервы, он начинает торопиться: слышна канонада советских орудий, сердится

его начальство. По совету главного врача он надевает пижаму и входит в палату к больным, сам притворяясь безумным. И здесь притворство переходит в реальность, Виндиш теряет контроль над собой, мерцает и гаснет его разум.

Безумие Виндиша — это безумие каждого, кто вообразил себя сверхчеловеком. Это безумие, которое нельзя скрыть за тяжелыми воротами лечебницы. Оно опасно реальным проникновением в сознание человека и в жизнь общества. И мир, пораженный таким безумием, может только погибнуть.

Но Кийск не был бы Кийском, если бы остановил фильм на этой морализаторски-точной ноте. И мы узнаем, что, оказывается, никакого шпиона не было. Фарсовое следствие было задумано и срежиссировано главным врачом (Вольдемар Пансо), чтобы оттянуть расправу над больными и дожидаться освобождения.

Так что же — счастливый конец? Но на пустом экране в полной гестаповской форме Виндиш. Гроз пальцем, он пророчески смотрит с экрана не только о собственном бессмертии, но и о вечности фашистской идеи.

Фильм-предостережение противостоит благодушию и ложному спокойствию. Он призывает человека к ответственности перед собой, перед всем миром. И напоминает о злой реальности фашистского безумия...

Творческий возраст режиссера Кальё Кийска соответствует возрасту эстонского кино. Совпадение это закономерно.

Юность эстонского кинематографа приходится на пятидесятые годы. Именно тогда один из двадцати четырех выпускников эстонской студии ГИТИСа, интересно заявив о себе как об актере и начинающем режиссере в Театре драмы имени В. Кингисеппа, пришел впервые на съемочную площадку студии «Таллинфильм». Режиссеру М. Егорову, снимавшему на Таллинской студии фильм «Яхты в море», потребовался помощник, знающий эстонский язык и умеющий работать с актерами. «Я стал переводчиком и в меру сил режиссером в этом фильме», — вспоминает К. Кийск.

В 1957 году режиссер ставит свой первый фильм «Июньские дни», за ним следуют «Озорные повороты» и «Опасные повороты». Эти обаятельные ленты не просто помогали осваивать новую профессию, в них уже звучал голос художника, пытавшегося в лирических, комедийных и бытовых сюжетах отображать реальную жизнь, правду характеров. К. Кийск овладевал профессией на ходу. Он изучал кинематографическую специфику и одновременно цепко вглядывался в жизнь. Жизнь ставила серьезные вопросы. И в творчестве режиссера стали звучать проблемные интонации. Его рука обретала уверенность, голос креп.

В фильмах «Ледоход», «Оглянись в пути», «Им было 18», «Полуденный паром», «Безумие», «Сойти на берег», «Красная скрипка», «Лесные фиалки», «Цену смерти спроси у мертвых», «Через сто лет в мае» отчетливо обозначилась волнующая художника тема — судьба народа и человека как создателя этой судьбы. Проблема нравственного выбора стала стержнем основной темы.

Сегодня Кальё Кийск — ведущий мастер эстонского кино, лауреат многих премий, активный общественный деятель. А было время, когда бесильно опускались руки и препятствия казались непреодолимыми. Фильм «Безумие» пролежал «на полке» в ожидании всесоюзного проката почти двадцать лет. В каких грехах могли заподозрить истинного художника и его талантливый фильм? Может быть, показался непривычным кинематографический язык, настораживала концентрация мысли, доведенная до символа?

Эстонская пресса приняла и поддержала картину. Русская критика того времени оказалась не столь понятливой. В журнале «Искусство кино» в 1969 году появилась статья Л. Крячко, и статья эта пригвоздила фильм к позорному столбу. Авторы фильма обвинялись в грехе эпигонства, в сознательном и неудачном подражании экзистенциалистской драме.

Кальё Кийск оправлялся от удара мучительно и долго. Может быть, помогло ему характерное для эстонцев трудолюбие, крестьянское упорство, страстное желание доказать очевидное право на собственный художественный почерк.

Да, двадцать лет назад К. Кийск выполнил свой гражданский и профессиональный долг. Сегодня можно сказать, что он выполнил и более трудный — человеческий долг. Не растратил себя на обиды. Через потери и обретения остался верен себе. Гуманизм его творчества бесспорен. И фильмы последних лет при всем разнообразии тем и сюжетов объединяют доброта Кальё Кийска и его вера в людей.

Евгения РОЗАНОВА

НЕ БЫЛО...

фильм «Безумие»

Редактор — В. Носик, Виндиш — Ю. Ярвет

София — М. Гаршнек и Виндиш

Ольга Кабо
 («Миллион в секунду», «Торкажине», «Сидано де Бержерак», «Ночной коридор», «Миллион в секунду», «Челны де Бержерак», «Пимпант», «Свингеры», «Мой олень расцел», «Меня зовут Арминьо»)

Вс 5 12 19 26
Сб 2 9 16 23 30
Пн 1 8 15 22 29
Вт 7 14 21 28
Ср 4 11 18 25
Чт 3 10 17 24
Пт 6 13 20 27

Вс 2 9 16 23 30
Сб 1 8 15 22 29
Пн 5 12 19 26
Вт 4 11 18 25
Ср 6 13 20 27
Чт 3 10 17 24
Пт 7 14 21 28

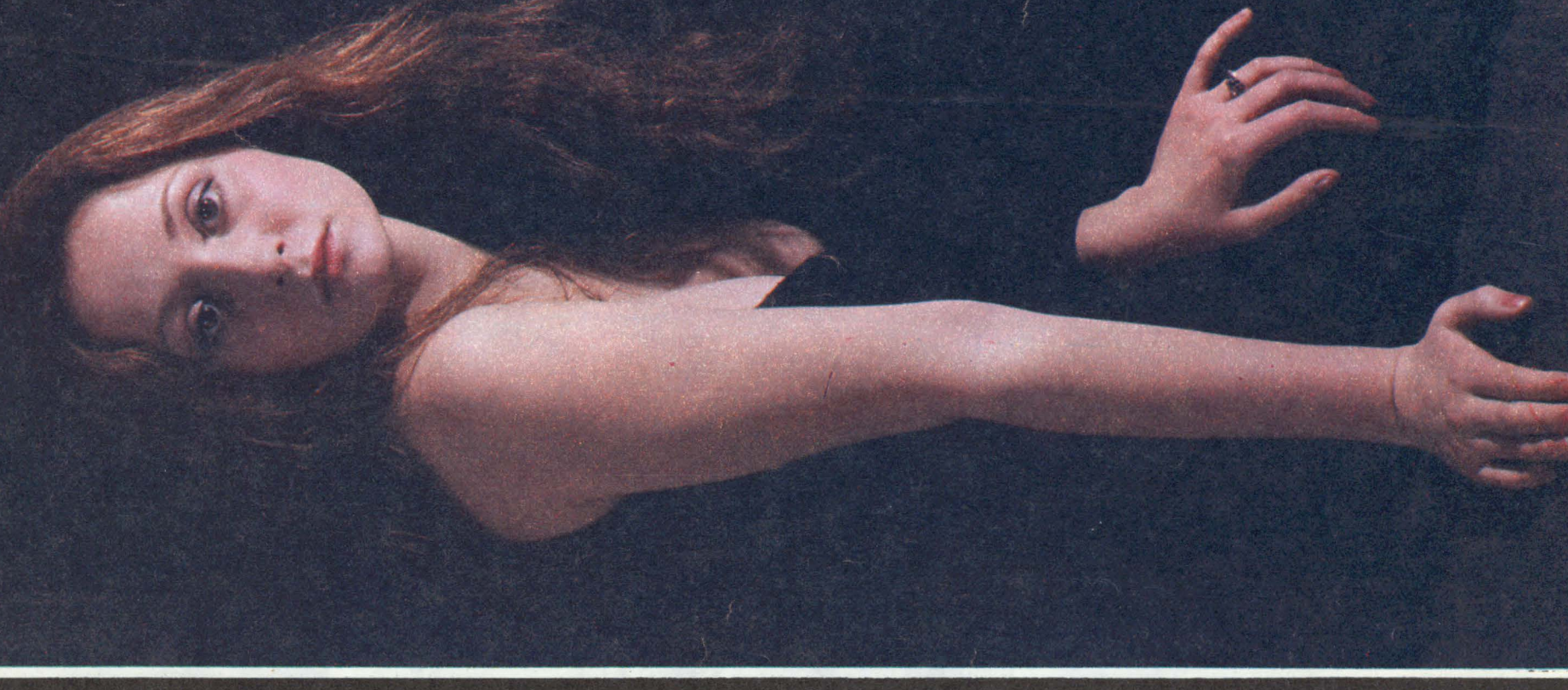
Вс 7 14 21 28
Сб 4 11 18 25
Пн 1 8 15 22 29
Вт 9 16 23 30
Ср 6 13 20 27
Чт 3 10 17 24
Пт 5 12 19 26

Вс 4 11 18 25
Сб 1 8 15 22 29
Пн 5 12 19 26
Вт 2 9 16 23 30
Ср 6 13 20 27
Чт 3 10 17 24
Пт 7 14 21 28

Вс 3 10 17 24 31
Сб 6 13 20 27
Пн 1 8 15 22 29
Вт 4 11 18 25
Ср 5 12 19 26
Чт 2 9 16 23 30
Пт 7 14 21 28

Вс 5 12 19 26
Сб 2 9 16 23 30
Пн 1 8 15 22 29
Вт 7 14 21 28
Ср 4 11 18 25
Чт 3 10 17 24
Пт 6 13 20 27

ГОВЕТРИМ

Трудно давался нам свой голос. Как же страшно, если мы опять его потеряем.

ЧЕЛОВЕК ИЗ МОСКВЫ

Страницы дневника

Сказать, что... время бежит, настолько банально, что грех с этого начинать. Но никогда, мне кажется, оно не бежало с такой стремительной скоростью, как сейчас. Пресса ждет от нас, своих авторов, событий кровотокащих, фактов ошеломляющих. И нет иронии в моих словах — чтобы выздороветь, надо лечиться. Я не очень-то верила в знахарей. Но однажды, в командировке, в маленьком райцентре, где единственный зубной врач был в декрете, три дня выла от зубной боли. Тогда дежурная в гостинице повела меня к своему деду, и он «заговорил» проклятый зуб. Но не это интересно, хотя тогда потрясло. А то, что старик предупредил, что снять боль он может, но вылечить — никогда.

Мы сейчас делаем то же самое — «заговариваем» наши болячки. И все-таки это очень много — заговорить! Сначала косноязычно, с трудом подбирая слова, путаясь в их неуправляемом потоке, но с каждым днем все жестче, экономнее люди начали думать вслух о том, что иные тщательно скрывали, а другие не умели — десятилетиями думали за них.

«Говори!» — так назывался один из первых перестроечных спектаклей. Скептики усмехались: «Говори, говори, а дальше что?!» Много, очень много — мы стали гражданами, мы научились себя уважать.

Я была непосредственным свидетелем того, в каких поистине родовых муках рождались первые честные, вслух произнесенные слова. Трудно давался нам свой голос. Как же страшно, если мы опять его потеряем. Именно страх перед возвращением страха оправдывает мою смелость предложить редакции опубликовать страницы из дневника.

Случилось так, что одна статья летела за другой. Случилось так, что скромная книжка об актрисе Инне Чуриковой вот уже три года лежала в издательстве «Искусство». Она пролежала еще три года. Казалось, это навсегда. «Надо что-то делать!» — говорила я себе после очередной схватки в очередном журнале или газете за абзац, строчку, а то и слово. Ох уж эта наша борьба за строчки, ради которых писалось нечто, в котором надо было умудриться сказать, ничего не сказав, похвалить, утаив смысл, дабы «не подвести» автора. Такая скобоченная, вывихнутая, наизнанку вывернутая критика. Будущим исследователям критической публицистики тех лет понадобится электронный мозг, чтобы разгадать ребусы наших опусов. Кстати, пусть знают, что у многих сохранились первые экземпляры. Сравнительный анализ печатного и ненапечатанного слова в эпоху застоя — это ли не темы будущих диссертаций? Равно как и сами диссертации, которые писали талантливые люди за всевозможных бездарностей, дабы самим не участвовать в процессе (вот ведь парадокс — у застоя был процесс!). Но жить-то надо было, и жить честно. И переводили плохие стихи и плохую прозу, превращая их своим талантом в стихи и прозу, но одновременно пополняя Союз писателей графоманами. Да, они несут этот грех на своей душе. Но у кого подымется рука их осудить! Это был честный хлеб. Они переписывали не свои произведения со всем отпущенным им даром, который обществу был не нужен, а то и опасен. Но были и такие, которые, несмотря ни на что и вопреки всему, продолжали биться за свои собственные строчки и радоваться (господи, чему радовались!), когда удавалось между строк, а то и в целой строке или хотя бы в одном слове хоть что-то сказать. Унизительные, скажу я вам, радости, но на них уходила жизнь. Творцам в этом смысле было еще труднее — от них как раз требовали абсолютной ясности. Хорошо помню

рекомендации из Госкино в начале семидесятых по поводу одной картины Студии Горького, где я тогда работала редактором. «Пока не будет ясно, кого она любит, фильм на экраны не выйдет». А фильм как раз и был о том, что нет азбуки в любви, а есть мука непонимания. Мука!

Короче, надоело! Надоело писать шепотом, мыслить незаметно. Предложение Бюро кинопропаганды ездить по стране с лекциями (ненавистное слово, но черт с ним, со словом) на разные темы, так или иначе связанные с кино, показалось на редкость своевременным. Много, очень многим моим товарищам. Говорить не писать, там по крайней мере не будут выправлять и выпрямлять. Но первая же поездка (не помню, в какой город) несколько приглушила мой пыл. Милейший режиссер-организатор дружески предупредил, чтобы я не очень-то выкладывалась, ибо НАШ зритель не любит разговоров, ему подавай кино. Он был прав — наш зритель не любил разговоров, ибо его давно тошнило от всяких слов, но он, зритель, как выяснилось, не очень-то любил и кино. Плохое не принимал, хорошее не понимал. А почему, собственно, он должен был понимать, если на встрече с работниками культуры один видный чиновник искренне рассердился, когда его спросили в записке из зала: «Почему до сих пор не выходит на экраны фильм Тарковского «Зеркало»?» — «Я его восемь раз смотрел и ничего не понял». Кто-то крикнул: «Восемь с половиной!» (как известно, фильм Феллини, получивший главный приз на Московском фестивале 63-го года, ждал встречи с советским зрителем ровно двадцать пять лет!). Оптимизма нам не занимать — зал дружно рассмеялся. Но крикнул-то смельчак из-за чьей-то спины, и хохот был коллективным. Представьте себе, что кто-то встанет и скажет: «Доколе-доселе...» Нет, такое в семидесятые было невозможно. И не потому, что в зале сидели одни трусы, а потому, что все знали: ни к чему хорошему эти «фиги в кармане», эти фрондирующие всплески привести не могут, только повредят художнику.

Еще один парадокс застоя (пожалуй, когда-нибудь надо будет создать энциклопедию этих парадоксов, чтобы потомки их никогда не повторили) — чем больше требовал зритель, например, того же Тарковского, фильмы которого каждый раз проходили длинный изоляционный период, тем сильнее раздражались завистники — тарифицированные по высшему разряду «товарищи по цеху», а от них, как нам наглядно показала опубликованная в шестом номере журнала «Искусство кино» стенограмма обсуждения на Студии Горького фильма Хуциева «Застава Ильича», многое зависело. Мы все говорим — чиновники, чиновники... Они всему виной. Но их по крайней мере к этому обязывало положение, партийная бдительность. А своих, товарищей, коллег, с позволения сказать, их-то кто обязывал? А они «науськивали», были своего рода «наводчиками» в преступлениях против искусства. Они «шли на дело», «стояли на стреме», покрывали непосредственных убийц, а то и были прямыми сообщниками преступлений. Законы уголовного мира они использовали с полным знанием, единственный закон, который они легко нарушали, — закладывали своих, доносили на своих, что, как известно, уголовники не прощают, а мы вот... простили. И не случайно рефрен сегодняшних записок, которые я получаю из зала: «Когда будут привлечены к суду чести истинные «убийцы» советского кинематографа?»

Но должно было пройти несколько лет с начала моей «лекционной пропаганды», чтобы вообще появились вопросы, не говоря уже о таких. Я убедительно прошу читателя понять меня правильно — речь не обо мне, не о каком-то моем «даре делать зал своим единомышленни-

ком» (как было написано в одной записке). Просто я с самого начала сказала себе: ни одного слова фальши, ни одного просто так — за здорово живешь, вообще ни о чем. Вот и весь секрет. Поначалу именно искренность, как это часто бывает и в жизни, вызвала недоверие. Люди привыкли, что задушевность-доверительность — любимое оружие провокаторов — я к тебе со всей душой, вот и ты ко мне... будь любезна. И на все мои просьбы спрашивать с места, писать записки зал отвечал настроженным молчанием.

Застой был в «расцвете», страна пребывала в тотальном безмолвии, расшевелить людей словом (а не песней) было невозможно. Я слышала — они слушают, но... молчат. На смену настроженности в конце концов пришло приятие (уже хорошо!), потом пошли записки, содержание которых часто исчерпывалось вопросами личного характера, но по крайней мере спрашивали уже про себя, а сначала все больше про то, кто с кем живет, и правда ли, что Алла Пугачева... После таких вопросов, честно говоря, хотелось завязать со всей этой «деятельностью».

Но однажды, кажется, это было в Могилеве в году восемьдесят четвертом, уже перед самым отъездом меня попросили выступить в колонии для несовершеннолетних преступников. У меня были с собой две части из фильма Динары Асановой «Пацаны», но это на двадцать минут, а дальше, что я буду делать дальше, о чем говорить, что показывать? Когда мы с начальником колонии вышли на маленькую, нависающую над душным залом сценку, колонисты (человек триста) встретили нас протяжным свистом, который опытным воспитателем не сразу удалось прекратить. Я поняла, что пропала, что не смогу вымолвить ни слова, что я попросту боюсь их. Но понимала и другое, что если все-таки решусь и открою рот, то от первой фразы зависит, будут они меня слушать или пошлют... Меня представили, по залу прокатились дружный вой. Начальник вопросительно на меня посмотрел, мол, пора, ждешь больше нечего. Я сделала шаг вперед, что вызвало неудержимый хохот, как будто с меня поползло платье или что-нибудь похуже... Никогда не вспомню, с чего я начала, как никогда не смогу повторить ту свою «лекцию». Речь, повторю, не обо мне, а об этих ребятах (потом узнала, сколько среди них было злостных хулиганов, сколько — насильников, а сколько уже держало в руках нож). Но, по-видимому, и они, как никто, ненавидящие слова, в них, человеческих, нуждаются. Посмотрите фильм Герца Франка «Высший суд», и вы поймете, почувствуете эту потребность начинающего преступника в исповеди, в бескорыстном к себе уважении. И когда я призналась, что у меня нет больше кино, показывать нечего, они закричали то, что закричала с первых шагов перестройка: «Говори!» А когда в конце дружно скандировали, я окончательно поняла, что дело мое не такое уж бессмысленное, и пусть это крохи, маленькие зернышки, брошенные на микроучастки общей жизни, они все равно дадут какие-то всходы. Малые дела — тоже дела, и если в зале найдется хоть один, чье сознание удалось растревожить, это много, особенно в обществе, погруженном в хмельную спячку, когда от чтения сплывали глаза, а застойная вязь слов усыпляла еще больше. Начальника колонии явно смутила не предусмотренная расписанием реакция несовершеннолетних, но вполне созревших в его глазах преступников. Но заметив, что я вот-вот разреву, не стал останавливать «воспитанников» — ладно, пусть кричат.

Разговором о кино я старалась подвести слушателей к разговору о жизни. В ответ записки из зала действительно пошли, но сначала не

мне они были адресованы. Пусть таких «записок» было немного, но удивительно, что первыми были именно они — анонимные доносы на «лектора, которого нельзя пускать в аудиторию». (Спасибо нашему любимому Бюро кинопропаганды, которое задолго до закона об анонимках не обращало на них внимания и верило нам, своим лекторам.) Такие «записки» пишут и сейчас, но (вот что значит перестройка), уже непосредственно «лектору» и прямо из зала с требованием немедленно прочитать вслух. Что я и делаю. Лед окончательно тронулся на беседах еще в 84—85-м годах, когда мы включили в цикл тему «Авторская песня на экране — Булат Окуджава и Владимир Высоцкий». Я всегда буду помнить то высшее доверие, которое оказывал зал, задавая самые острые по тем временам вопросы: «Почему нет сборников песен этих поэтов, почему не приняли в Союз писателей Высоцкого, почему запрещали его концерты, почему уехал Галич, почему, почему...» Я не имела права не отвечать, но почти каждая записка сопровождалась предупредительным: «Если не можете, не отвечайте». Какие все-таки замечательные у нас люди, понимая всю «крамолу» своих вопросов, они на всякий случай подстраховывали от ответов на них. Осмелев (некоторые подписывались), они давали мне шанс к отступлению, заранее прощая. Школа культура делала свое дело, хотя на такие лекции приходила в основном молодежь (прекрасная, скажу я вам, молодежь).

Помню, в середине семидесятых, я тогда уже работала в «Советском экране», взяла интервью у Сергея Аполлинариевича Герасимова. Беседа получилась на редкость искренней. Сергей Аполлинариевич охотно подписал ту беседу, но когда гранки, по доносу из Госкино, попали на стол партийного чиновника, который отвечал в то время за нашу культуру, Герасимов отказался от своих слов, так же искренне удивившись: и как это он ТАКОЕ подписал? А был в той беседе элементарно честным, не более того. Я тогда получила выговор за «нарушение журналистской этики», за то, что «спровоцировала мастера на недозволенные ответы». Придумать такое нормальному человеку невозможно, но ведь было.

После революционного пятого съезда Союза кинематографистов любое выступление на любую тему вызывало шквал вопросов. Я думаю, большинство из нас, выезжавших в то время в разные города, чувствовали себя чем-то вроде полпредов революционного комитета. Время ответило на многие из тех вопросов, а тогда я и сама не знала, выйдут ли на экран «полочные картины» («братское кладбище советского кинематографа»), увидим ли мы все фильмы Тарковского, «Асю Клячину» Андрея Михалкова-Кончаловского, за которую теперь на Бакинском фестивале дали аж два главных приза. Вернутся ли... Дальше следовал длинный список писателей, художников, вынужденных покинуть нашу страну в эпоху застоя. Просили (это еще два года назад) назвать всех, на чьей совести и «полки», и сломанные судьбы, и загубленные художественные сценарии, и растражированные антихудожественные и кастрированные шедевры мирового экрана, и другие шедевры, сохранившие девственную неприкосновенность, — их нам вообще не показали. Никто больше не подстраховывал меня от «ответов на недозволенные вопросы» — их прямоте и точности могли бы позавидовать опытные журналисты. Не-

вольно я чувствовала свою персональную ответственность за все, что было у нас в кино, но еще больше — за то, что есть. Фильм Эльдара Рязанова (всеобщего любимца) о Высоцком — десятки возмущенных записок. Сергей Бондарчук собирается снимать «Тихий Дон» — всеобщий протест, обращенный ко мне как к «представителю». В какие-то минуты мне и правда начинало казаться, что «настала пора... и теперь мы в ответе», и лично я в том числе. «Как Бондарчук может спать спокойно, когда все теперь знают меру его вины в судьбе Тарковского?» «Вот чего не знаю — того не знаю», — пошутила я. Но «юмор» показался залу неуместным. Тут же получаю записку: «Нам не до шуток — художника нет, а его мучители благоденствуют». Призвать к ответу виновных в судьбе жертв застоя — постоянное требование многочисленных на эту болезную тему записок. Вот одна, наиболее характерная: «Мы называем преступников прошлого, требуем поставить памятник жертвам сталинских репрессий. Но почему уходят от ответа живые? Пройдет немного времени, и они настолько «перестроятся», что мы перестанем их распознавать. Но они по-прежнему разносчики вируса сталинизма в его самом незаметном, с трудом опознаваемом, вчерашнем проявлении, когда не пытались, не сажали, а жигали со света, перекрывая кислород. И пока не будут названы все, нет никакой гарантии, что завтра они снова не выйдут на свет, затягивая общество в крошечную тьму» (эта записка была написана до партийной конференции).

Д

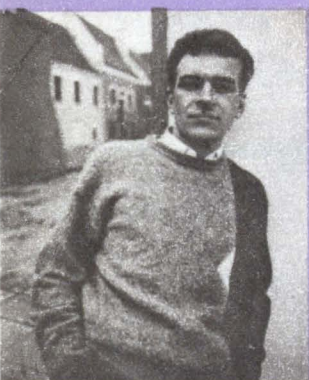
а, время летит... Сейчас газеты делают то, что они должны были делать всегда, — информируют, а не утаивают информацию. Но люди так истосковались по правде, что удивительный этот голод сразу невозможно, тем более что гласность на местах часто напоминает плохой грим на помятом лице — нарумянили, надурили и в старом клише пустили «на панель». Поэтому, когда приезжает из Москвы живой человек («Вы человек из Москвы, вы должны нам ответить»), он обязан знать все, даже то, что снится по ночам людям, чья совесть нечиста. Ответственность, скажу я вам, нашей скромной миссией не предусмотренная. Но, следуя международной моде на русские поговорки, «взялся за гуж...», принимаю вызов. Элем Климов еще только подумывал, что пора уходить на картину, а из зала летели записки: «Что будет с Союзом... Почему уходит Климов? Это поражение или разочарование?» Еще сам режиссер не знал, что именно будет снимать, а зритель волновался: «Следует ли спешить с «Мастером и Маргаритой?» Еще Глеб Панфилов не заключил контракт с итальянской фирмой, а зритель просил не отдавать картину итальянцам. Он вообще больше не хочет никому ничего отдавать. «Хватит, — пишет, — наотдавались!» «Расскажите подробно о Галиче — мы, семнадцатилетние, ничего о нем не знаем» — это год назад. Рассказываю. Тут же получаю записку: «Не смейте рекламировать врагов народа. Кто вам разрешил?» «Никто, — отвечаю, — я сама себе разрешила, потому что ОН — друг народа». Редкие хлопки и сочувственное молчание зала — мне вдруг показалось, что в этот момент они со мной прощались — год назад. Говорю об исторической памяти в фильмах Тенгиза Абуладзе (четыре месяца назад), из зала — записка на газетном клочке: «В Телави, в сквере, стоит памятник Стали-

ну, когда его снимут?» Другая записка: «Что вы думаете о Сталине?» Отвечаю... Получаю серьезное предупреждение: «Подальше от таких, как вы. С именем Сталина мы (?) умирали. Он восстановил разрушенное после войны народное хозяйство... Надо запретить таких лекторов, которые развращают нашу молодежь». В тот же вечер, уже под занавес, аккуратно сложенный листок из тетрадки в клеточку: «Вы действительно не боитесь или верите в перестройку? Тая С., 15 лет».

В Союзе кинематографистов шел пленум по детскому и юношескому кино. А незадолго до этого в «Правде» появилось письмо трех наших уважаемых писателей, изничтожающее и саму молодежь, и первый честный фильм о ней Юриса Подниекса «Легко ли быть молодым?». В партитуре этого письма было все: раздражение, озлобление, презрение, недоверие... — все, кроме одного, чем всегда была славна русская литература, — желания понять и простить. На пленуме, предварительно поддержанная многими, от имени нескольких критиков, я предложила послать в «Правду» письмо от имени его участников в защиту фильма, который Союз выдвинул на премию, и самой молодежи, ради которой собрался наш пленум. В ответ, как говорится, долгие, не смолкающие... А завтра... наступило вчера. Утром все газеты вышли с отчетом о городской партийной конференции, на которой разбиралось «дело Ельцина». Я сейчас не о том, виноват или не виноват был московский первый секретарь — кто тогда мог это понять, не прочитав его выступления, о чем говорил на партийной конференции Михаил Сергеевич Горбачев. Но зато хула была выдержана в знакомых традициях, в привычной последовательности с тем же набором слов и драматургических ходов. И когда я вышла с нашим письмом на сцену, то почувствовала отчуждение и даже враждебность зала. Сама о том не подозревая (вот что значит заряд шестидесятых), я невольно опять стала тем «провокатором», который «провоцирует на недозволенное». Всего одни сутки, одна газетная полоса, и людей точно подменили. То, что вчера было поддержано аплодисментами, сегодня вызвало недоумение, а у некоторых и возмущение. «По какому праву мы кидаемся на выдающихся писателей?!» — крикнул с места режиссер, в былые времена не самый осторожный в своем творчестве. Ему ответил сценарист Георгий Полонский («Доживем до понедельника»): «По праву совести». Еще несколько человек поддержало Полонского, но большинство решило: «Кто хочет, пусть подписывается». Из четырехсот «захотели» тридцать два. И далеко не все охотно, иные старались пробежать мимо незамеченными, стыдливо отводя глаза. На мое удивление: «Но как же так, ведь вчера решили?» — шепотом: «Как же ты не понимаешь, времена изменились». За несколько часов — изменились ВРЕМЕНА! И тогда мне опять стало страшно. Я кожей почувствовала, что опять боюсь.

Есть одна записка, которую получила в Карагане от бывшего политического заключенного, в прошлом ленинградца, который так и не собрался вернуться в родной город — ему сейчас шестьдесят лет. «Большое вам спасибо. Вы порядочный человек». В конце записки стояла точка. Я же приписала большой вопросительный знак, потому что уверена, проверка на порядочность у каждого из нас независимо от возраста еще впереди.

К обложке

РЕМИГИЮС САБУЛИС

В Литве молодого актера Ремигиуса Сабулиса хорошо знают по работам в Каунасском драматическом театре. Сложные разноплановые роли сыграны им здесь в спектаклях «Рядовые» А. Дударева, «Кинг» Ю. Глинскаса, «Калигула» А. Камю. Уже в первом его экранном появлении — в литовской картине «Полет через Атлантический океан» о длительном беспосадочном перелете — было заметно стремление артиста преодолеть неглубокую драматургию, создать живой характер.

Настоящий успех пришел к Р. Сабулису после телефильма по роману И. Шоу «Богач, бедняк...». Томас — младший из семейства Джорда — в исполнении начинающего актера был личностью сильной, с твердым характером. В прошлом хулиган и по весу, Томас предстает перед нами как человек порядочный и благородный, сумевший в жизненных испытаниях не потерять достоинства, независимости.

Позже зрители встречали актера в неожиданных, совершенно контрастных ролях: командира отряда раз-

ведчиков капитана Долгинцева («В двух шагах от «Рая»), совершающего ряд преступлений священника Олшаускаса («Девять кругов падеи»), американского летчика-шпиона Пауэрса («Мы обвиняем»).

Наибольшее удволение Р. Сабулису принесла роль немного угрюмого, замкнутого мужчины Эрика в телефильме «Чужой случай». В этой истории о девочке, разыскиваемой в большом городе своего отца, его положительный «добрый дяденька» был достоверен, обаятелен, добр. Этот образ наполнял ленту человечностью, теплом.

Снимается Сабулис нечасто, хотя предложенный получает много. Почему? «Постоянная работа в театре, кино, на телевидении, как это ни парадоксально, — считает он, — может «притупить» актерский слух, есть опасность заштамповаться. Поэтому необходимы паузы, во время которых можно переосмыслить созданное, получить новые впечатления. Необходима постоянная духовная работа, внутреннее обновление. Если этого не будет, никакая режиссу-

ра, драматургия не сделают тебя интересным и неожиданным для зрителя...»

После одной из таких пауз мы увидели Р. Сабулиса в фильме режиссера Р. Нахапетова «На исходе ночи», где его персонажу — советскому матросу Николаю Борщу, попавшему в гитлеровский плен, — приходится пройти через непростые испытания. Одно из них — потеря памяти. Борщ не помнит — кто он, откуда, и даже почти смиряется с тем — как его убеждают, — что он немец (а немецкий язык матрос хорошо знал с юности). Но душой он не может принять вражеской психологии, мучается от того, что вынужден молчать, видя несправедливость. Эти внутренние переживания героя переданы исполнителем достаточно убедительно, хотя лента в целом и не стала заметным событием.

Много говорить о творчестве Ремигиуса не любит, предпочитает просто трудиться. Он стремится открывать новое в самом себе. И это ему удается.

С. СУКНЕНКО

С Михаилом Давыдовичем Вольпиным мы разговаривали долго, договорились через несколько дней снова встретиться, потому что даже четыре с лишним часа, утомительных для восьмидесятипятилетнего человека, не могли вместить рассказ о всей его жизни. А разговор вышел именно о жизни. Однако второй нашей встрече не суждено было состояться — Михаил Давыдович погиб в автомобильной катастрофе...

Возможно, не каждый сразу вспомнит, кто такой Вольпин. А ведь он участвовал в создании фильмов «Волга-Волга», «Смелые люди», «Застава в горах», «Морозко», «Огонь, вода и медные трубы», «Царевич Проша», «Как Иванушка-дурачок за чудом ходил», «Соловей», «Ослиная шкура», любимых мультфильмов — «Остров ошибок», «История одного преступления» и многих, многих других.

Он — современник Маяковского, Есенина, Пастернака, Ахматовой. С кем-то из них была случайная встреча, с другими — связывали годы общения, дружбы, соавторства. Как с Николаем Эрджманом, собратом по перу, с которым разделил тяжелую участь многих современников, — был репрессирован. Жизнь Вольпина впитала встречи и повороты судеб, связанных с его судьбой...

— Нет, нет, нет. Мемуары все-раз писать не думаю. И не буду. А если бы писал, — то по принципу анекдотичности, странных и смешных случаев. Очень люблю фэбулу, сюжет, острые моменты.

...Когда началась революция, скромные сбережения отца (он был адвокатом) были конфискованы, квартиру отобрали. И мы уехали из Москвы в Могилев, чтобы как-то прокормиться. Работа на могилевском заводе мне не понравилась, я решил сражаться с Колчаком — поехал в Москву записываться в добровольцы. Не помню, в каком именно я побывал учреждении, но вышел мне навстречу руководитель профсоюзов Томский — я позже узнал его по фотографиям. Сражаться он меня отговорил, хотя я обещал быстро научиться стрелять. Он спросил меня, что я умею делать, и отправил в Высшие художественные мастерские. И попал я не к кому-нибудь, а к известному художнику Коровину. Живописи он не учил, но рассказывал о ней много. И помогал нам по мере своих сил. Голодные мы были — абсолютно. Помню, подрядил он нас «писать» декорации в Большом театре. Давал он нам возможность и другого заработка. Мы «мазали» на маленьких картонках — широко и невнятно — голубым и зеленым, как будто море и небо. И на этих картонках сам Коровин ставил свою подпись! Мы шли на рынок и продавали. Однако он категорически возражал, если на картонках изображалось что-то понятное. Все-таки голод погнал обратно в Могилев. В Могилеве — красноармейский университет. Был там и изофакультет — казарма при бывшей гостинице. Собственно,

В. Э. Мейерхольд, В. В. Маяковский и Н. Р. Эрджман. 1928 г.

Н. Р. Эрджман (1902—1970). Фото М. Вольпина (конец 60-х годов). Вверху: 1920 г.

(Из фондов Государственного литературного музея)

МИХАИЛ ВОЛЬПИН:
“ДРУГИЕ
НАИИШУТ
ЛУЧШЕ
НАС...”

первым соприкосновением с будущей профессией стала встреча и дружба с Цехановским, впоследствии одним из зачинателей советской мультипликации. Потом мы поехали с выставкой в Москву, в Москве долго не верили, что это сделали красноармейцы сами, но приняли во ВХУТЕМАС.

Вступил в комсомол. Подался я в Главполитпросвет. Посмотрел «Окна РОСТА», тогда с Маяковским работал Черемных. Я поговорил с ним. Написал по его заказу картинки и стихи. Черемных, я думаю, пожалел меня — выглядел я экзотически бедно. В штанах из выцветших лиловых занавесок, с желтыми разводами, босой... Он похвалил мою мазню и сказал: «А теперь попробуйте то же самое сделать пером». Я сделал и принес. Захожу на следующий день: Маяковский, на которого я молился! Голосом низким, зычным: «Кто эту дрянь принес?»

— Дрянь я принес. Хотя Черемных сказал, что это приемлемо.

— Черемных? А вы знаете, кто я?

Хорохорились мы много, по-юношески задиристо, любовь свою показать стыдились. Мне казалось, я придумал необычайно остроумный ответ:

— Знаю. Вы уже Маяковский, а я еще Вольпин.

Но он не улыбнулся. — Вот стихи приличные. А художников у нас достаточно.

Говорил в шутку, советовал писать всерьез. Из той жизни я с наибольшей отчетливостью помню несколько моментов. — «Единственного нехалтурщика, и того голодом заморили. Блок умер...» Это было сказано искренне, с такой болью... Тогда-то и понял я, что у Маяковского все не так просто, что он как-то по-особому оценивает то, что происходит, многое «топит» в себе...

В «Окнах РОСТА» я старался работать «под Маяковского». Он довольно строго мои плакаты отбирал, потом подписывал. Наши отношения с ним закрепились благодаря моей дружбе с Натальей Эфрон — актрисой Камерного театра, к которой Маяковский часто заходил. Однажды я поднимался к Наталье и уже на пятом этаже слышу грохот. Перегибаюсь — Маяковский что-то тащит. Оказалось — керосиновую печку. Тяжеленную.

— Вольпин! Поищите бумажку — оставлю записку. — Написал на бумажке и прочел:

Печка для лапов.
Чтобы лапы те
Могли разрастаться
В абсолютной теплоте...

В нем была удивительная мужская заботливость. Вот Эрдман бы так не сделал — он бы принес цветы...

Впрочем, о многом я узнавал позже. О том, как он хлопотал в Симферополе, когда меня арестовали, приняв за опасного рецидивиста и контрабандиста.

— Михаил Давыдович, как вы себе объяснили его смерть?

— Я не буду оригинален и скажу вам, что объяснений тому много. У меня они складывались под впечатлением наших встреч. Конечно, неудача выставки. Спорная премьера «Бани». Личные неурядицы...

— Инспирированные судебные процессы начались ведь уже тогда, в конце двадцатых. Многие предчувствовали, чем они обернутся. Как он относился к ним?

— Мы не сомневались, что самоубийство Маяковского связано еще и с тем, что разбили его фантазии о революции, о будущей жизни. Он ведь был великим романтиком. Я спросил его о каком-

то процессе, по-моему, о процессе Рамзина... Он резко не захотел говорить об этом, очень резко. Я понял, что это большая тема, и ему очень больно с этим жить.

— Михаил Давыдович, а как вы познакомились с Эрдманом?

— Жизнь была бурной и неожиданной. Сестра в Петрограде родила ребенка от Есенина, родители ей отказались помогать, поехал я. Там, в Петрограде, и познакомился с Николаем Робертовичем. Не только познакомился, но и подружился. Что сказать... Первое впечатление сохранилось на всю жизнь. Блистательный и неожиданный человек. С шикарным одет. Он страшно нравился женщинам, причем с первой минуты и, как говорится, навсегда. Он любил существовать в разных жанрах.

— Н. Эрдман — автор двух замечательных пьес: «Мандат» и «Самоубийца». «Мандат» с блестящим шел в постановке Вс. Мейерхольда, «Самоубийцу» репетировали и Мейерхольд и Станиславский. В летописи жизни и творчества К. С. Станиславского можно прочесть такие строки из письма Станиславского: «...Я стоял за нее (пьесе. — М. И.) ради спасения гениального произведения, ради поддержания большого таланта писателя. Если на пьесу начальство не сможет взглянуть нашими глазами, то выйдет только ерунда и затычка». Пьеса «Самоубийца» в течение многих лет была под запретом. Третьей пьесой Н. Эрдман не написал. Он сочинял сценарии, басни, репризы, водевили, фельетоны. Многие полагают, что его «сломали», что его жизнь состоялась не так, как могла бы, сочувствуют ему.

— Это совершенно неверно. Меньше всего Эрдман так считал сам. Жизнь его состоялась, и состоялась именно такой, какой он ее прожил. Порою слышишь в адрес мой и Вл. Масса, что мы сбивали Эрдмана с толку, «заставляли» сотрудничать и вместе писать сценарии. Никогда. Мы знали Эрдману цену, отдавали отчет, сколь велико его дарование. Мы работали прежде всего тогда, когда Николай Робертович приглашал нас писать вместе. «Веселые ребята», написанные им вместе с Вл. Массом, как и «Смелые люди» и «Застава в горах», наша совместная работа — не уступка времени, и не безделица. Это работа, которую мы делали с удовольствием, которая нас увлекала и которую мы выполняли добросовестно. Эрдман все писал с невероятной добросовестностью, с удовольствием — для мюзик-холла и варьете, для «Синей блузы» еще до своих драматических ситуаций с пьесами. Нас увлекал феномен смеха, мы искали формулу комического. «Самоубийцу» Эрдман готовил пять лет. Он великолепно читал свою комедию.

С труппой МХАТа он встретился во время ленинградских гастролей театра. Приблизительно через месяц после премьеры «Бани» мхатовцы собрались в номере гостиницы слушать новую комедию Н. Эрдмана. «Знаете, в этом номере последний раз останавливался Маяковский», — сказал Николай Робертович. Потом прочел название своей комедии: «Самоубийца».

На другой день пришло ошеломляющее известие: «Только что покончил с собой Маяковский».

Однажды мы спросили Эрдмана, не возникает ли у него сложности с прохождением пьесы. Он прочел «Самоубийцу» у сестры Каменева, изъяснявшейся «высоким штилем»: «Мы живем в эпоху...» И так далее. Она поклялась, что эта вещь никогда света не увидит...

— Известно, что по поводу «Самоубийцы» Станиславский написал письмо Сталину и как-то показывал в театре ответ, написанный от руки на странице из блокнота. Смысл был приблизительно таков: «Уважаемый Константин Сергеевич! Я не принадлежу к числу поклонников пьесы «Самоубийца», но, надеюсь, что Ваше мастерство и сила придадут ей то значение, которое я в ней не нахожу».

— Всеволод Эмильевич Мейерхольд показал начальству репетицию, пьесу запретили. Внешне Эрдман не скис. Они писали с Массом сценарий «Веселых ребят». А что было потом? Потом нас всех посадили.

Вы знаете эту историю. Качалов прочел на приеме в честь какого-то посла классические монологи, а потом пошутил и прочел басни Масса.

Одновременно с Владимиром Массом был арестован и выслан в Енисейск Николай Эрдман — только что был опубликован в альманахе «Год шестнадцатый» фельетон Масса и Эрдмана «Заседание о смехе». Их арестовали на съемках «Веселых ребят».

Тогда меня вызвал редактор «Крокодила» и сказал: «Лучше бы тебе уехать, помогать по стране...» Я был готов к тому, что и меня заберут. Ходили вместе со всеми, просили за Эрдмана. Гарин, Степанова ездили к нему в Енисейск, через Лену. Очень смешно навел на него Гарин. С трудом добрался, с чемоданом. Посидел с Эрдманом, поговорил, потом встал, будто они в Москве, и пошел. «Куда?» — спрашивает Эрдман. — «Пошел я, Коля, по-моему, я тебе надоел». Но это я уже слышал в пересказе Эрдмана. Меня тоже в 33-м посадили.

— А вы читали обвинение?

— Читал. За антисоветские настроения — так было сформулировано. Я следователя спрашиваю: как так, за настроения? Настроения разве клеишь в дело? Следователь спокойно эдак сказал: «Болтать много стали. Ильфа — Петрова не возьмешь, будет скандал. А вас? И скандала не будет, и предупреждение другим». За нормальную работу меня отпустили на год раньше, в 37-м, когда всех только начали по-настоящему сажать. В Москве запретили жить. Поехал в Калинин. Надо было как-то к жизни возвращаться. Захожу в калининский театр. И первым, кого вижу — Эрдман. Конечно же, с роскошной дамой. Жили мы в Калинин у бабы Гали, там и начали писать сценарии. Первый сценарий — «Старый наездник». Мы решили о том написать, что лучше всего знали, а лучше всего мы знали ипподром, бега. Фильм хвалили, и — запретили. Он вышел только через девятнадцать лет... Потом была картина «Актриса», потом — «Здравствуй, Москва!», потом — «Смелые люди». Мы догадывались, что «Смелых людей» писали по заказу Сталина. Он выразил желание, чтобы была снята настоящая ковбойская лента, но при этом чтобы обязательно была Отечественная война. Сама идея комедии нам очень понравилась. Мы с молодости ненавидели «исповедаться», глубоко ненавидели то писать, что было «в нас самих». Полуправду писать не хотелось, а правду писать было нельзя. Писали про другую жизнь, и это было очень увлекательно... Сочиняли приключенческую картину. Нашим консультантом был Буденный. Мы попали к нему на прием и думали, что он будет против. Попросили редактора говорить все негативное, что только можно сказать, ругать

нас, что написали такой несерьезный сценарий. Он ругал. А Буденный все выслушал и ответил неожиданно: «Что же вы думаете, это последняя война? Борьба еще будем, врагов у нас много. Что же молодежь пугать будем?» И много интересного рассказал о лошадях.

А вскоре состоялось обсуждение фильма в редакции газеты «Правда», где нас здорово «прорабатывали». Редактор «Правды» долго кричал на нас. Кто, мол, сделал, да кто смел, да по чьему велению, да кто консультант... Было всем не по себе. Я встал и сказал только одно: мы хотели создать настоящую приключенческую картину, нам это не удалось, но, надеюсь, вы поймете, как важен этот жанр, и другие напишут лучше, чем мы...

На студии же нам говорили, что картина замечательная. И всякие лестные слова. Собрались ко мне домой на банкет. Сели за стол. Пришел режиссер и сказал, что картину запретили, она признана халтурой. Так и ушли, не притронувшись ни к чему, остался я да жена за накрытым столом... Приказывают все изменить. Называют известных людей, которые должны эту картину переделывать. Ходили ко всем и просили не вмешиваться в картину. Были у Юткевича, Дунаевского, просили не принимать участия в переделках... В общем, доделали мы картину сами безрадостно, с трудом. Фильм вышел, да еще получил Сталинскую премию...

А третья пьеса Эрдмана? Он писал ее, но закончить не мог или не хотел. Он медлил. Его уговаривали все. Но он в последнее время ограничился только инсценировкой «Героя нашего времени» для Театра на Таганке. Наброски пьесы были замечательны. Пьесу он хотел назвать «Гипнотизер»...

Не стоит делать из Эрдмана мученика — жизнь его состоялась. И все, что он делал, — не было халтурой, не было «безделицей»...

Беседу вела
Мария ИГНАТЬЕВА

P.S. Михаил Давыдович Вольпин не успел прочесть этот текст. У нашего разговора было «длинное дыхание», по сути, он ведь только начался. Мы не успели поговорить о его замечательных сказках, пародиях, миниатюрах; необыкновенно интересные мультипликационные сценарии Вольпина. В истории культуры всегда есть художники, не известные самой широкой публике. Но их присутствие и дело значительны. Таковы жизнь и творчество Вольпина, его особенный и неповторимый путь.

М. И.

М. Д. Вольпин (1902—1988). 20-е годы.

МЫ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОИМ...

Мирон ЧЕРНЕНКО

Марягину достанется от критики всенепременно. И поделом. О вещах серьезных не принято говорить дурашливо, понарошку. О них надо всерьез, с уважением.

В самом деле, что здесь, собственно, происходит, в этом «Дорогом удовольствии», если взглянуть на него суровым, недреманным оком? (Кстати сказать, о каком удовольствии идет речь, автор так и не сообщает; и почему оно дорогое — умалчивает.) Некий молодой, но уже обремененный семьей и длинным угрюмым лицом инженер, мается, как все мы, на своем рабочем месте, которое дает ему в месяц ровно столько, сколько он сам дает этому месту по бессмертной формуле: «Вы делаете вид, что мне платите, я делаю вид, что вам работаю». А у молодого человека талант, он просто чувствует, чем дышит автомобиль, что стучит в его сердце, он просто не может пройти мимо, когда какому-нибудь автомобилю нехорошо. И вовсе не ожидает за это вознаграждения, хотя жена в этот день не дала ему даже рублевки на обед. А когда вознаграждение начинает на него сыпаться, он чувствует себя неловко, но все-таки не отказывается, чтобы не обидеть дающего, а, более того, от застенчивости и бедности все глубже и глубже погружается в тенета теневой экономики, теневой нравствен-

ности, теневой стоматологии, теневой эстетики и всего того, что еще бывает теневым в нашей светлой действительности...

Конечно же, эта ситуация просто подставляет себя под карающий меч или беспощадное перо сатирика, а не, никакого другого слова, кроме как капуста; здесь не подобрать, другого жанра, чем эстрадный концерт, не найти. С нахальной его драматургией на самом краешке хорошего вкуса, с репризной беспардонностью реплик, с очевидностью сюжетных ходов, с откровенным, радостным лицедейством актерской игры, поминутно подмигивающей зрителю, призывающей и его в круг, в общую забаву, где нет ничего святого, где сделаешь рентгеновский снимок зуба, а увидишь инспектора ОБХСС, где каждый играет не свою, а чью-то чужую, но вполне уютную роль, где все связаны со всеми нелепыми, но неразрывными нитями, где логика вывернута наизнанку, где за любое удовольствие приходится платить любой ценой и никто не торгуется...

Подумать только, какую фантазмагорию можно было выстроить на простеньком фундаменте этого сюжета, какую «дьяволиаду» наших дней... И, говоря честно, я поначалу тоже ждал

чего-то, надеялся — ну, не может же такого быть, что все это задействовано только для того, чтобы назвать по имени болячки быта нашего насущного; и, говоря честно, мне казалось, что за вальяжными фигурами Валентина Гафта и Олега Табакова, купающихся в удовольствии просто «пошухарить» на экране, теснятся какие-то аллюзии, намеки, страшно подумать, ассоциации. И мне хотелось бы, к примеру, увидеть в центре сюжета вовсе не бледного клерка, но таинственную фигуру Вильяма Тер-Иванова, трагического героя нашего времени, человека, который может все, но ничего не хочет, меланхолического чудотворца в мире, где никому не нужны чудеса, а нужен дефицит.

Между тем нет в этой картине никаких намеков и аллюзий, сплошное удовольствие от возможности просто так взять и перечислить с экрана, прямо в зал, не мудрствуя лукаво, все то, что и так все знают, что всем известно, но не названное как бы не существовало в действительности. И, подводя итоги, наверно, и в самом деле можно было бы сказать, что этого маловато, особенно теперь, когда с каждым днем можно вроде бы больше, если бы то, что сделал в «Дорогом удовольствии» давний летописец провинциальной нашей бездуховности, Леонид Марягин, касалось бы только этой одной картины.

Однако речь-то должна скорее всего идти о другом, о целом кинематографе, который не слишком застенчиво, хотя и не

торопясь, прокладывает дорогу на экраны. Который, самую малость перефразировав классика, можно назвать изображением пошлости в формах самой пошлости. Иначе говоря, о киче и не просто, а о киче по-нашему, который уже не только не прячется под лукавой полумаской пародии или политической оперетты об «их нравах», но даже несколько гордится своей естественностью, своей эстетической независимостью: вспомним хотя бы «Ассу» Сергея Соловьева или «Скорбное бесчувствие» Александра Сокурова.

Я отнюдь не сравниваю эти картины, я просто говорю о том, из чего складывается их поэтика, их стилистика, а не что из этого получается. Я говорю о том, что за ними идут другие, и будет их, вероятно, все больше и больше, ибо пошлости в нашей жизни хватит на весь кинематограф с избытком. И потому не будем торопиться с приговорами, постараемся лучше понять, откуда это и куда. И какова это удовольствие цена...

ДОРОГОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ

«Мосфильм»
Автор сценария Александр Розанов
Режиссер-постановщик
Леонид Марягин
Оператор-постановщик
Виктор Шестоперов
Художник-постановщик
Иван Пластинкин
Композитор Ян Френкель
В фильме использованы произведения Вивальди, Гайдна, Чайковского, Скрябина

Приглашаем Вас, дорогой читатель, вновь принять участие в традиционном ежегодном конкурсе на лучший фильм и лучших актеров года. Коллективное мнение определит лидеров среди отечественных и зарубежных лент, наиболее яркие актерские работы, степень соответствия репертуара зрительским интересам. Фильмы 1988-го ждут Вашей оценки. Полученные материалы будут обработаны в Главном вычислительном центре Госкомстата СССР, а итоги, как всегда, опубликованы на страницах журнала.

КОНКУРС

КИНОФИЛЬМЫ, ВЫШЕДШИЕ НА ЭКРАНЫ В 1988 ГОДУ

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ФИЛЬМЫ

1. Амуланга
2. Асса, 2 с.
3. Башня
4. Без мундира
5. Без солнца
6. Белое проклятье
7. Bravo, Альбер Лолиш!
8. Брод
9. Бумажный патефон
10. В дебрях, где реки бегут...
11. Везучая
12. Вельд
13. Вечное сияние
14. Виктория
15. В Крыму не всегда лето, 2 с.
16. Войдите, страждущие!
17. Воля Вселенной
18. Воры в законе
19. Воскресные прогулки (киноальманах)
20. Воскресный день в аду
21. Время летать
22. Время нашего детства
23. Все мы немножко лошади...
24. Все побеждает любовь
25. Выбор, 2 с.
26. Выйти из леса на поляну
27. Вы чье, старичье?
28. Где находится нофельт?
29. Гобсек
30. Господин оформитель
31. Грешник
32. Даниил — князь Галицкий
33. Два берега
34. Девушки из «Согдианы»
35. Десять негрятят, 2 с.
36. Джек Восьмеркин — «американец», 2 с.
37. Дилетант
38. Дни затмения, 2 с.
39. Долой коммерцию на любовном фронте
40. Дом с привидениями
41. Дорогая Елена Сергеевна
42. Дорогое удовольствие
43. До свидания, мой парфянин!
44. Друг
45. Единожды солгав
46. Если мы все это перенесем...
47. Забавы молодых
48. Забытая мелодия для флейты, 2 с.
49. Загадочный наследник, 2 с.
50. Загон
51. Заклятие Долины Змей
52. Залив счастья
53. Запретная зона
54. Зеркало для героя, 2 с.
55. Золотая цепь
56. Иван Великий
57. Импровизация на тему биографии
58. Искушение
59. ...Исполнить всякую правду...
60. История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж
61. История одной бильярдной команды
62. Как дома, как дела?
63. Катенька
64. Клиника (киноальманах)
65. Команда 33
66. Комиссар
67. Комментарий к прошению о помиловании, 2 с.
68. Конец вечности, 2 с.
69. Корни
70. Коронный номер
71. Кувырок через голову
72. Лиловый шар
73. Ловкачи
74. Лома
75. Маленькая Вера, 2 с.
76. Манька (киноальманах)
77. Меня зовут Арлекино, 2 с.
78. Мио, мой Мио
79. Мисс миллионерша
80. Мой боевой расчет
81. Моонзунд, 2 с.
82. Моя дорогая...
83. Мужские портреты, 2 с.
84. Наблюдатель
85. Наездники (киноальманах)
86. На исходе ночи, 2 с.
87. На перевале
88. На своей земле
89. Непрофессионалы
90. Ночной экипаж
91. Одинокая орешина, 2 с.
92. Окно печали, 2 с.
93. Особый случай (киноальманах)
94. Отступник, 2 с.
95. Первая встреча, последняя встреча
96. Первоцвет
97. Перемена участи
98. Переправа, 2 с.
99. Петроградские гавроши
100. По второму кругу
101. Подданные революции
102. Пока безумствует мечта
103. По следам фильма «Молодая гвардия»
104. Последняя ночь Шахерезады
105. По траве босиком
106. Праздник Нептуна (киноальманах)
107. Приход луны
108. Приют для совершеннолетних
109. Приключения Элли и Рару
110. Простая смерть
111. Прощай, шпана замоскворецкая...
112. Радости среднего возраста
113. Раз на раз не приходится
114. Разорванный круг
115. Робинзопада, или Мой английский дедушка
116. Риск
117. Рыжая фея
118. Сад желаний
119. Свободное падение
120. Серая мышь
121. Серебряные струны
122. Сильнее всех иных велений
123. Сказка о прекрасной Айсулу
124. Скорый поезд
125. Следопыт
126. Случай в аэропорту, 2 с.
127. Смысл жизни, 2 с.
128. Соблазн
129. Соломенные колокола, 2 с.
130. Сошлись дороги
131. Ссуда на брак
132. Стечение обстоятельств
133. Странник
134. Среди серых камней
135. Утомленное солнце
136. Фантастическая история
137. Филер
138. Фотография с женщиной и диким кабаном
139. Хареба и Гоги, 2 с.
140. Хозяин
141. Холодное лето пятьдесят третьего...
142. Холодный март
143. Хотите — любите, хотите — нет...
144. Хромой дервиш
145. Цыганка Аза
146. Человек свиты
147. Черный монах
148. Чертик под лобовым стеклом
149. Честь имею
150. Чужие игры
151. Шантажист
152. Шура и Просвирняк
153. Шут
154. Эй, маэстро!
155. Эсперанса, 2 с.
156. Этот странный лунный свет

ФИЛЬМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

157. Алло, такси
158. Ангел-хранитель
159. Бирюзовое ожерелье
160. Брошенный
161. Волшебное наследство
162. «Вперед, Корея!»
163. Время умирать
164. Гость к ужину
165. Девочки с Новолипок
166. Дело следователя
167. Держаться за воздух
168. Держись, Карл!
169. Для счастья нужны трое
170. Добровольцы поневоле
171. Должники смерти
172. Дом у реки
173. Дорога в тысячу ли
174. Драма в лесу
175. Закон возмездия
176. Застигла меня ночь, 2 с.
177. Золотоискатели
178. Инспектор без оружия
179. Кормилец акул
180. Кочуем к вам
181. Куда доскачет ранняя пташка
182. Лепестки, цветы, венки
183. Лесные ягоды
184. Летят перелетные птицы
185. Лутра
186. Любовники моей мамы
187. Любовь из пассажа
188. Мальчик с большой черной собакой
189. Место под солнцем
190. Мечтатели, 2 с.
191. Миклош Акли
192. Молодые люди в городе
193. Моя дорогая, мой дорогой
194. Невеста для Давида
195. Неразлучная пятерка
196. Обещания
197. Обратный счет
198. Парниковая Венера
199. Пасодобль для троих
200. Пейзаж с мебелью
201. Половина жизни
202. Последняя ночь
203. Похищение в Тютюрлистане
204. Поэма

205. Приглашение
206. Пролог необъявленной войны
207. Серебряная маска
208. Серебряный браслет
209. Соль
210. Сон актрисы
211. С сегодняшнего дня — взрослый
212. Степные люди
213. Странная любовь
214. Тайна старого чердака
215. Три Марии и Иван
216. Фокстрот
217. Цилле и я
218. Чужие деньги
219. Шаг вдвоем
220. Школьный призрак
221. Юность — на алтарь
222. Я люблю тебя, дорогая
223. Ян на барже

ФИЛЬМЫ ДРУГИХ СТРАН

224. Амадей, 2 с.
225. Артист, 2 с.
226. Ассоциация злоумышленников
227. Беглецы
228. Берег правый, Берег левый
229. Волшебство.
«Куин» в Будапеште
230. Восемь с половиной, 2 с.
231. Ганг, твои воды замутились, 2 с.
232. Генезис
233. Гондза-копыносец, 2 с.
234. Данди по прозвищу «Крокодил»
235. Джинджер и Фред, 2 с.
236. Душа моя, 2 с.
237. Жемчуг, 2 с.
238. Жертвоприношение, 2 с.
239. Защита империи
240. Игра в любовь и убийство
241. Как отец и сын
242. Камила
243. Кинг-Конг, 2 с.
244. Кинг-Конг жив
245. Колдовская любовь
246. Кордебалет, 2 с.
247. Короткое замыкание
248. Красная пустыня, 2 с.
249. Кровавая свадьба
250. Легенда о Нарайяме, 2 с.
251. Лентяй, 2 с.
252. Мальчик-солдат
253. Маюри, 2 с.
254. Мечты города
255. Мое последнее танго
256. Моя прекрасная леди, 2 с.
257. На охоте
258. На пороге жизни
259. «Нью-Дели Таймс», 2 с.
260. Один момент, 2 с.
261. Окно спальни
262. Орфей
263. Парама, 2 с.
264. Париж, Техас, 2 с.
265. Поездка в Токио
266. Полет над гнездом кукушки, 2 с.
267. Потерпевшие с «Лигурии». Фильм II. Пираты
268. Почтальон
269. Приди снова, дождь, 2 с.
270. Приключения Марка Твена
271. Прошлое, настоящее, будущее, 2 с.
272. Разговор
273. Роня, дочь разбойника
274. Сальвадор, 2 с.
275. Семь самураев, 2 с.
276. Сила любви, 2 с.
277. Сладкие грезы
278. Собака, остановившая войну
279. Супружеская жизнь, 2 с.
280. Тоби Мактиг
281. Цепочка
282. Четверо друзей
283. Четвертая власть

I. Как вы оцениваете кинофильмы, вышедшие на экраны в 1988 году? Оцените просмотренный фильм по пятибалльной системе, поставив слева от порядкового номера соответствующую цифру (5, 4, 3, 2, 1).

Если фильм очень понравился (отличный, с вашей точки зрения), поставьте слева, рядом с его порядковым номером, цифру «5».

Если считаете фильм хорошим, поставьте цифру «4».

Если фильм оказался посредственным, не произвел большого впечатления — цифру «3».

Если фильм не понравился (серый, скучный, неинтересный и т. п.) — цифру «2».

Если фильм, по вашему мнению, очень плохой и не понравился настолько, что вам жаль потерянного времени, — цифру «1».

Если трудно дать оценку фильму в связи с тем, что он представляется вам спорным, в чем-то непонятным, поставьте знак вопроса «?».

II. Назовите лучшую советскую актрису года в фильме _____

III. Назовите лучшего советского актера года в фильме _____

IV. Назовите лучшую зарубежную актрису года в фильме _____

V. Назовите лучшего зарубежного актера года в фильме _____

VI. Подчеркните, пожалуйста, каких, по вашему мнению, фильмов недостаточно сейчас в кинорепертуаре:

1. Историко-революционных.
2. Фильмов о Великой Отечественной войне.
3. Исторических, историко-биографических.
4. Фильмов на современную тему.
5. Кинокомедий.
6. Музыкальных.
7. Приключенческих.
8. Научно-фантастических.
9. Детских.

Мы обращаемся к зрителям старшего поколения с предложением указать, какие из фильмов вашей молодости вы хотели бы вновь посмотреть сами и показать своим детям.

Мы просим зрителей молодого поколения назвать фильмы отечественной киноклассики, которые вам не удалось посмотреть до сих пор и которые вы хотели бы увидеть.

ПОДЧЕРКНИТЕ НОМЕР ОТНОСЯЩЕЙСЯ К ВАМ ГРАФЫ

ВОЗРАСТ

1. Менее 14 лет
2. 14—17 лет
3. 18—20
4. 21—24
5. 25—30
6. 31—40
7. 41—55
8. Свыше 55 лет

ОБРАЗОВАНИЕ

1. До 8 классов
2. 8—10 классов
3. Специальное среднее
4. Незаконченное высшее
5. Высшее

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

1. Рабочий
2. Колхозник, рабочий совхоза
3. Служащий
4. Учащийся школы, техникума
5. Студент вуза
6. Пенсионер
7. Домохозяйка

МЕСТОЖИТЕЛЬСТВО

1. Село
2. Небольшой город
3. Областной центр
4. Город с населением более 100 тысяч человек
5. Столица республики
6. Москва, Ленинград

ПОЛ

1. Женский
2. Мужской

Заполненную анкету, пожалуйста, отправьте в почтовом конверте с маркой в редакцию «Советского экрана» с пометкой «Конкурс» не позднее 1 февраля 1989 года.

Наш адрес:
125319, Москва, А-319,
ул. Часовая, 5-б.

**БЛАГОДАРИМ ВАС
ЗА ВНИМАНИЕ!**

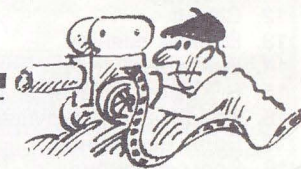

А. Помазов

В. Хозин

ЮМОР

С. Айнутдинов

на фестивальных орбитах

И спеть

«Я шел длинной дорогой»

«Образы старого мира»

КОЛЯДКИ...

Многие ли из нас знают, как жили в старину? Какую одежду носили наши прадеды, какие песни пели, как отмечали свои уже далекие от нас праздники и как горевали, провожая умерших... В жесткий век технического прогресса вроде бы не до сантиментов: шагаем вперед, и вот уже выброшены из сундука расшитые, чуть поблекшие бабушкины кофты, ее девичий кокошник, да и сам сундук идет на свалку...

Беспамятливость эта иссушает душу, рождает людей равнодушных; вот и немало их на нашей земле. Не может быть народа без уважительной памяти о предках. Этнографы страстно борются за то, чтобы не забывались народные традиции. К этнографам присоединяются мощные союзники — кинематографисты. Фестивали этнографических фильмов становятся все более популярными в разных странах. Один из них — «Этнофильм» в словацком городе Чадце. Бесшумный директор фестиваля, сам в прошлом этнограф, ныне директор Словацкого киноинститута Светозар Штеглик в пятый раз открыл здесь программу из тридцати семи документальных, научных, научно-популярных, репортажных и публицистических фильмов и видеозаписей о народной жизни, культуре, традициях.

Большой приз «Этнофильма» «Чадца-88» присужден фильму «Образы старого мира», поставленному режиссером Душаном Ханакком на Словацкой киностудии в Братиславе — за авторское, человеческое и художественно-личностное изображение человека в его основных этических ценностях. Что ж, справедливость торжествует в конце концов: почти двадцать лет этот фильм не мог увидеть света и даже сейчас был показан без семи частей, вырезанных по указанию свыше. Толчком к его созданию послужили фотографии замечательного мастера

М. Мартинчека, который с грустью, уважением и любовью смотрит на тех, кто скоро уйдет из жизни. Старики — герои ленты Д. Ханака. Да, они некрасивы, скверно одеты, одиноки, позабыты-позаброшены, и все-таки мы, как и режиссер, и его группа, начинаем любить, понимать этих стариков, гордиться ими, настоящими представителями своего народа.

Безукоризненным вкусом, точностью отмечен фильм. Лента полностью оправдывает название документальной. Оператор А. Ханусек снимает просто и строго: достойная старость не требует украшений. Может быть, именно в этой простоте и честном подходе к жизни — секрет высокого мастерства?

Главные призы в разряде документальных фильмов и видеозаписей присуждены фильму «Павел Сохнань» режиссера Мартина Сливки — за документально точный портрет художника, творчество которого принадлежит к основным ценностям словацкой культуры XX века, и сделанному студентом театрального факультета ВШМУ в Братиславе Мишо Сухе фильму «Я шел длинной дорогой» — за глубоко заинтересованный авторский подход, который привел к документально ценному постижению темы.

Автор первого — старейшина словацкого кино Мартин Сливка — энтузиаст этнографии, хранитель народных традиций (на фестивале было представлено пять его фильмов). Павел Сохнань — универсальная, талантливая личность. Писатель-публицист, этнограф, художник, мастер фотографии. В фойе Дома культуры в Чадце была развернута экспозиция фотографий Сохнаня: красивые люди в красивых старинных костюмах; жители Трнавы, Яблонца, Велки Слатины, Мартини Пештян, других областей Словакии смотрят на нас со старых открыток. П. Сохнань работал с огромной любовью к своей земле и ее людям. Эту любовь и стремится передать режиссер, перекидывая мостик от прошлого к современности. Черно-белые кадры сменяются современными, цветными. Вот такими были это поле,

эта дорога, эта река, а такими стали. Лучше?..

Фотоэкспозиция сопутствовала и показу фильма «Я шел длинной дорогой». Фотографии режиссера Мишо Сухе и его коллег выразительно показали быт цыган — свадьбы, смерти, будни этого совершенно особенного вольного, бесшабашного, гонимого по земле племени, дальнейшая судьба которого становится одной из важных государственных проблем в Чехословакии.

Фильм Мишо Сухе, сделанный им с истинной страстью человека, влюбленного в своих героев, говорит о том, как важно, как необходимо сохранить уникальность, самобытность цыган. Общество, считают авторы, не должно настаивать на ассимиляции цыган: став «такими, как мы», они потеряют свои традиции и культуру.

Посвящена этим необычным людям и «Самостоятельная рота» режиссера Вильяма Полтиковича (киностудия Чехословацкой армии в Праге), награжденная главным призом в категории репортажно-публицистических фильмов и видеозаписей — за постановку важнейшей общественной проблемы — приобщения к современной жизни племени цыган.

Цыган на срочной военной службе?..

Но это обязанность всех граждан! И вот перед зрителем военная часть: 72% солдат не умеют писать. Сложение знают все, но деление... Молодые ребята рассказывают с экрана о своих сложностях — «намучились долго: но стали другими». Авторам этого фильма важно, чтобы они и остались другими, когда вернутся домой...

Главные призы среди научных и научно-популярных фильмов и видеозаписей получили видеofilm Этнографического института в Братиславе «Кукольники Антон Андерле» режиссера Даниела Лутера и фильм Словацкой киностудии в Братиславе «Культурно-сельскохозяйственный пейзаж» (режиссер Илья Руперт).

Названия говорят за себя сами. Антон Андерле — как и дед, и отец его, мастерит кукол. Но марионетки не лежат мертвым грузом на полках. Удивительно живые, выра-

зительные, разыгрывают они целые представления — старинные сказки, предания.

Заботой о будущем проникнуты фильмы «Культурно-сельскохозяйственный пейзаж» и «Исторические структуры пейзажа» (режиссер Й. Опарти), премированный в этом году призом Союза защитников природы и пейзажа на V «Агрофильме» «Нитро-88». Наши предки заботились о гармонии, они создали ценности, которые мы теперь называем историческими структурами пейзажа — хозяйственные постройки, пашни, крепости. Что из этого до нас дошло и как мы с ними обращаемся?.. Горькие кадры забвения. Разрушены мельница, кузня, дома. Грязь, свалки. Как шрамы, перерезают поля и леса линии электропередач... Актуальная не только для Словакии, близкая, наболевшая проблема.

Сохранностью памятников, градостроительством — исторической структурой пейзажа должны заниматься люди неравнодушные, не подвластные конъюнктурным ветрам. Тогда и деревья вырастут так, чтобы они ловили ветер и защищали почву от эрозии, и города будут радовать глаз.

Приз зрителей получили «Рисованные воспоминания Зузаны Ваньусовой» режиссера Йозефа Урблика — за документальный фильм, который рассказывает о традициях рождественских праздников на Кисуцах (область Словакии.— Ред.). Фильм определяет тему шире и вернее: воспоминание. Зузана Ваньусова рисует на стекле. Рисует и вспоминает о «своем самом красивом времени» — детстве, которое прошло в Кисуцах, об обычаях тех лет. Под ее рукой оживают дротари, что пришли в село чинить посуду, девушки, гадающие на свинце, рождество, когда наряжают елку: жена приносит цепь, чтоб все были ближе друг другу весь год, мед, чтобы муж был сладким, а масло и молоко — желтыми...

Проблемы, поднятые фильмами фестиваля, касаются всех.

Берегите культуру! Храните традиции! Думайте о будущем, но не забывайте прошлое.

В. ЛУКЬЯНОВА,
спец. корр.
«Советского экрана».

Чадца

ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ЖУРНАЛЕ

XIX ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КПСС НА ПУТЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ

Аркадьев И. (23) Про аппаратчиков
 Досталь В. Терпение, убежденность, труд
 (5) Б. Пинский
 Климов Э. (16) Если бы мне дали слово...
 Нуйкин А., Ерохин А. Горький счет. Диалог публициста и критика (16)
 Плахов А. (10) Два года жизни

ПРЯМАЯ ЛИНИЯ (1, 2)

Читателям отвечают Александр Камша-лов, Элем Климов, Армен Медведев, Ролан Быков, Лев Рошаль, Виктор Демин, Валерий Кичин, Сергей Кононыхин, Григорий Тараненко, Олег Сулькин, Александр Суздальев
 Любимцы публики в новом году (1)

Открытое письмо председателя Госкино СССР художественным советам, правлениям киностудий и творческим объединениям (9)
 К деятелям культуры (22) Открытое письмо участникам фестиваля «Золотой Дюк»

СОВЕТСКИЕ ФИЛЬМЫ — ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ КИНОФЕСТИВАЛЕЙ В 1987 ГОДУ (5, 8)

ФЕСТИВАЛЬ ИНДИИ В СССР
 Липков А. (16) Бесконечность открытий

X МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ СТРАН АЗИИ, АФРИКИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В ТАШКЕНТЕ (16)

Андреев Ф. Плохой хороший фестиваль
 Дементьев А. Благими намерениями

В СК СССР

За смелый поиск (2) IV Всесоюзное совещание-смотр молодых кинематографистов Пленум вопросов. Что дальше? (4) III пленум правления СК СССР

XXI ВСЕСОЮЗНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ В ТБИЛИСИ (12)

Награды киносмотра

Мнение ареопага

Алабин Л., Дроздова Е., Юрьев Ю. Зеркало времени
 Голованов В. Добавление к увиденному
 Демин В. Эй, кактус!
 Фрейлих С. Возвращенное время

АКТУАЛЬНАЯ КОЛОНКА

Гуревич Л. (5) «...В сплошной лихорадке буден».
 Колбовский А. (16) Станет ли известным «неизвестное кино»?
 Спивак В. (2) Что скажем детям своим?
 Славин К. (6) Быть ли музеем в квартире Кармена?

ИНТЕРВЬЮ, РЕПОРТАЖИ, СТАТЬИ О СОВЕТСКОМ КИНО, ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ, КИНООБОЗРЕНИЯ

Агишева Н. (4) О совести — всегда
 Альперина С. (13) Для чего нужны печати?
 Аркус Л. (23) Живет в США
 Аркадьев И. (13) Полка для эмигранта
 Аркадьев П. (15) Страсти по «Маленькой Вере»
 Басков В. (19) Слеза младенца
 Берман Б. (11) Мелочь знаков или полновесный рубль сути?
 Беляков В. (2) Новый герой и старый взгляд
 Вдовин Дм. (2) Это значит — падать и встать
 Вкусив сухарь авангарда (23) Молодежная редакция

Гаков Вл. (2) Письма живого человека

Гербер А. (24) Человек из Москвы
 Годар, еще Годар (13) Молодежная редакция «СЭ»
 Давыдова Е., Гуревич М. (23) Соблазнение покинутых
 Дементьев А. (23) И — все в кайф?
 Дементьев А. (21) Рок со стороны
 Демин В. (17) Дальше, дальше, дальше
 Дмитриев В. (9) От шепота до крика
 Дубровский Э. (12) Хроника остановленного времени
 Ерохин А. (13) Крылья холопа
 Ерохин А. (8) Поле чудес в стране дураков
 Ерохин А. (21) Наши. Невеселые размышления на фоне документальных сюжетов
 Емцев М. (16) В поисках землян
 Желтова В. (7) Почему гаснут звезды?
 Зоркий А. (17) В Тбилиси и на холмах Грузии

Зоркий А. (1) От альтернативы к «Золотому Дюку»
 Ивануцкий Г. Р. (24) В гору по краю пропасти
 Инин А. (7) Мы были не такие
 Кагарлицкая А. (7) Мы продолжаем тему
 Колбовский А. (1) В Чухломе ждут перемен
 Коновалов В. (20) И боль, и радость
 Лаврентьев С. (13) Берег правый, берег левый
 Лаврентьев С. (21) Ближе... ближе... ближе!
 Левитин М. (22) Золотой Дюк: шторм — нормальная погода
 Матизен В. (10) Экскурсия по «музею смыслов»

Михалков-Кончаловский А. Возвращение к истокам (8) А. Липков

Москвина Т. (7) Андрей Битов об открывшихся возможностях и найденном пути
 Нечаева Н. (7) Тревоги кинематографических пацанов
 Нуйкин А. (24) Нужно переболеть
 Нусинова Н. (7) Рождение рижского форума
 Пинский Б. (20) Вытапливая воск, но сохраняя мед
 Поличко Г. (15) «Как слово наше отзовется», или Загадки киновосприятия
 Попов Д. (7) Голос и эхо
 Порк М. (7) Без сиропа
 Потапова И. (13) Жертвоприношения
 Розовский М., Левенбук А., Хайт А. (23) Не может быть!

Рошаль Л. (1) «Нас еще судьбы безвестные ждут»

Седнев Н. (13) Уловка-87
 Смирнова А. (7) Асса е-е!
 Стишов М. (7) Новая начинка для старого пирога
 Тимофеевский А. (23) Послание человечеству
 Тимофеевский А. (17) Психологический экзерсис
 Тирдатова Е. (21) Что такое «молодые кинематографисты» и как они воюют против бюрократов?
 Тупик (23) Обсуждение фильма «Исповедь. Хроника отчуждения» в Центральном Доме кинематографистов
 Параллели не пересекаются? (13) Главная редакция «Синема фантом»
 Первая творческая (2) Рассказывают И. Побережский, Л. Гуревич, Л. Николаев, Э. Дубровский
 Почему забуксовал эксперимент? (4)
 Соловьев С. Закрывать — проще всего; Ваня Л. Проиграли все
 Чугунова М. (7) Фильм — это поступок
 Шмыров В. (23) Дни критического затмения

ИТОГИ КОНКУРСА «СЭ»-87

Левитин М. (10) Пришли иные времена

Зарубежные актеры — лауреаты конкурса «СЭ»-87». Изабель Юппер, Жерар Депардьё (11) А. Осипов
 Конкурс «СЭ»-88» (24)

МОЖЕТЕ НЕ СОГЛАШАТЬСЯ

«Комиссар» (20)
 «Воры в законе» (22)

РЕЦЕНЗИРУЕМ ФИЛЬМЫ

«Акселератка» (5) А. Дементьев
 «Без солнца» (6) В. Гульченко
 «Больше света» (5) Л. Карпинский
 «Вельд» (22) М. Емцев
 «Вера Анги» (7) С. Лаврентьев
 «8½» (20) Т. Бачелис
 «Войдите, страждущие!» (10) Ю. Тюрин
 «Выбор» (9) А. Ерохин
 «Высший суд» (6) Н. Зоркая
 «Господин оформитель» (7) А. Киселев
 «Группа риска» (22) Ф. Андреев
 «Данди по прозвищу «Крокодил» (12) О. Сулькин
 «Джинджер и Фред» (20) Т. Бачелис
 «Долгое эхо войны» (14) М. Сиренко
 «Дорогое удовольствие» (24) М. Черненко
 «Единожды солгав» (4) Е. Стишова
 «Жизнь Клема Самгина» (14) Л. Аннинский
 «Защитник Седов» (23) А. Кагарлицкая
 «Исповедь. Хроника отчуждения» (13) Л. Алабин
 «История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж» (15) Т. Хлопьянкина
 «Короткое замыкание» (17) К. Разлогов
 «Лимита, или Четвертый сон...» (23) А. Дементьев
 «Ловкачи» (16) Ю. Гладильщиков
 «Маршал Рокоссовский. Жизнь и время» (9) И. Ицков
 «М. Горький. Последние годы» (2) Я. Варшавский
 «Мостик» (23) А. Ерохин
 «Непрофессионалы» (16) Р. Юрнев
 «Одиноким голос человека» (2) Л. Карахан
 «Одинокая орешника» (15) В. Питуленко
 «Опыты (Записки провинциала)» (20) Г. Прожико
 «От первого лица» (14) Д. Данин
 «Петроградские гавроши» (7) В. Питуленко
 «Повесть о маршале Коневе» (9) И. Ицков
 «По траве босиком» (13) Е. Тирдатова
 «Простая смерть» (20) В. Шмыров
 «Радости среднего возраста» (11) Е. Розанова
 «Риск» (4) В. Кисунько
 «Скверный анекдот» (4) Л. Розенблюм
 «Соблазн» (16) В. Иванова
 «Тоска Вероники Фосс» (15) Г. Краснова
 «Убить дракона» (23) Г. Михайлов
 «Усталые города» (23) Н. Гриценко
 «Филер» (5) А. Бермонт
 «Фонтан» (23) Д. Попов
 «Холодный март» (19) Э. Лындина
 «Храм» (11) Ю. Тюрин
 «Человек с бульвара Капуцинов» (8) В. Кичин
 «Чужие игры» (12) А. Шерель
 «Шура и Просвирия» (12) Т. Хлопьянкина

ПРЕМЬЕРЫ МЕСЯЦА

Богомолов Ю. (5) Биографии, которые мы выбираем
 Богомолов Ю. (19) Из записок калифа

Гербер А. (6) На обломках вчерашнего кино

Гербер А. (15) Дайте «мужа»!
 Ерохин А. (17) Плацебо
 Зоркая Н. (11) Между прошлым и будущим
 Зоркая Н. (21) «Цветок несчастья мы взрастили...»
 Зоркий А. (9) Караван
 Зоркий А. (24) Самое массовое некассовое
 Стишова Е. (14) Не все вкусно, что полезно

ФИЛЬМ, О КОТОРОМ ГОВОРЯТ

«Асса». Грань веков или набор феничек? (12) Круглый стол «СЭ»
 «Застава Ильича» (2) Ю. Ищенко
 «Зеркало для героя» (17) Л. Овруцкий
 «Меня зовут Арлекино» (21) О. Ковалов
 «Процесс» (15) В. Кардин
 «Холодное лето пятьдесят третьего...» (11) Н. Савицкий

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ СТАТИСТИКА

4, 9, 14, 19

МУЛЬТПАНОРАМА

8, 10, 14, 16

АНОНС!

1, 4, 5, 8, 9, 11, 12, 15, 17, 19, 21, 22

КИНО И ЗРИТЕЛЬ

ПИСЬМА

ОБЗОР ПИСЕМ

2, 4, 8, 9, 11, 12, 15, 16, 20, 21, 22

ВОПРОС — ОТВЕТ

1, 2, 6

ПОЧТА АКТЕРА

Юрский Сергей: Пожать протянутую руку (19) Е. Кабалкина

ВИДЕО

Андреев Ф. (10) Видеокультура и ренессанс
 Богомолов Ю. (17) Ах, этот сон...
 Кудрявцев С. (8, 22) Черный, частный параллельный
 Митько А. (19) Думайте о рекламе
 Пинский Б. (12) Не верь глазам своим
 Болезни роста (10) «Круглый стол» «СЭ»
 «Русское видео» — начинается (23)

К ОБЛОЖКЕ

Андрейченко Наталья (10) П. Аркадьев
 Гребенщиков Борис (8) С. Соловьев
 Караджова Елена (14) Л. Малюкова
 Крючкова Светлана (20) Н. Галаджева
 Майорова Елена (19) К. Сашко
 Миронов Андрей (10) М. Козаков
 Польских Галина (4) А. Инин
 Сабулис Ремигиус (24) С. Сукненко
 Самохина Анна (22) А. Павлюченко

ВОПРОС АКТЕРУ (19)

Гафт Валентин (14)
 Викмане Лелде (5)
 Невзоров Борис (4)
 Сайко Наталья (11)

КРУПНЫМ ПЛАНОМ ПОРТРЕТ МАСТЕРА

ВЗГЛЯД
 С КАМЧАТКИ

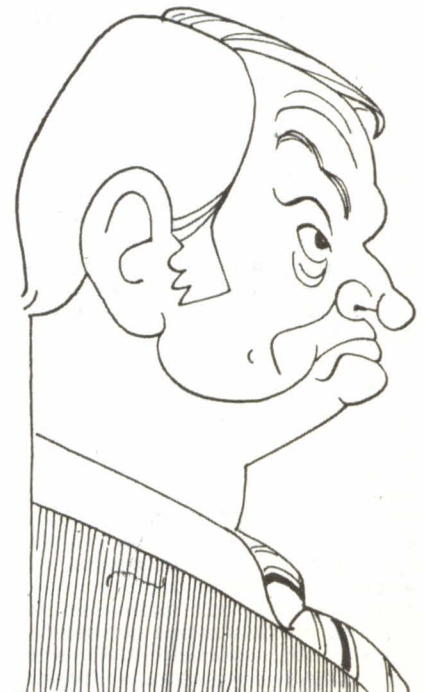
Рисунки
 Михаила Гандаурова
 с. Шаровы,
 Камчатская область

Валерий Носик

Никита Михалков

Альгимантас Масюлис

СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРИМ ЧИТАТЕЛЕЙ ЗА ВНИМАНИЕ К

О МОЕМ ТОВАРИЩЕ
ПРОФЕССИЯ: РЕЖИССЕР
ЗНАКОМЬТЕСЬ

Авилев Виктор (7) Е. Смирнова
Бехтерев Сергей (13) М. Соловьева,
А. Файнштейн
Галич Александр (13) О. Ковалов
Глаголева Вера (4) В. Мельников
Гостюхин Владимир (20) Э. Линдина
Дашкевич Владимир (9) Ю. Ким
Дыховичный Иван (7) Е. Плахова
Инин Аркадий (14) Г. Вайнер
Калье Кийск (24) Е. Розанова
Караченцов Николай (9) Ю. Ольгина
Косых Иван (4) Г. Юхтин
Кузнецова Вера (2) Е. Драпеко
Лебедев Алексей (4) Т. Бунимович
Любшин Станислав (9) Н. Агишева
Неелова Марина (16) П. Кузьменко
Параджанов Сергей (13) А. Дементьев
Рыбарев Валерий (20) Л. Саенкова
Рыбников Николай (17) Н. Басина
Сирин Александр (6) И. Кравченко
Фирсова Джемма (5) Г. Гурков
Хржановский Андрей (2) Р. Хуснутдинова
Чухрай Павел (21) М. Кваснецкая

БЕСЕДА В МАСТЕРСКОЙ
ИНТЕРВЬЮ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

Искандер Фазиль: Отступления быть не
должно (14) Ж. Головаченко
Сокуров Александр: Художников одиноч-
ных нет (19) С. Альперина, Г. Зайченко
Филатов Леонид: Состояние души (1)
М. Стишов
Червинский Александр: Повороты судьбы
(6) Ж. Головаченко
Эфрос Анатолий: Последние интервью (1)
Г. Ходос

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА БАСОВА

Фрид В. (15) Слово о Басове

ПАМЯТИ ИВАНА МИКОЛАЙЧУКА

Ильенко Ю. (2) По законам правды и кра-
соты

КНИГИ

Жженов Г. «Омчская долина» (24)
В. Фрид
Чернышев А. «Русская доктябрьская ки-
ножурналистика» (12) Р. Юрнев
«Киносценарии», 1987 г. (6) Г. Масловский
«Киносценарии» № 1, 1988 г. (16) Т. Хлоп-
лянкина
Кудрявцев С. (7) Так сколько же будет
2×2?
«Лариса. Книга о Ларисе Шепитко» (19)
Н. Зоркая

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

8,12

НА КИНОСТУДИЯХ СТРАНЫ
ИДУТ СЪЕМКИ, СЪЕМКИ ОКОНЧЕНЫ
РЕЖИССЕР (СЦЕНАРИСТ) ПРЕДСТАВЛЯЕТ
ФИЛЬМ

ПЕРЕД ПРЕМЬЕРОЙ

«Вельд» (10) Э. Аскеров
«Визит дамы» (20) Н. Мельник
«Воры в законе» (12) А. Шагин
«Восхождение на Фудзияму» (20) А. Кол-
бовский
«Гардемарины, вперед!» (6) Э. Аскеров
«Город Зеро» (22) П. Черняев
«Гулящие люди» (5) Е. Жеребенков
«Запретная зона» (14) А. Колбовский
«Зеркало для героя» (8) Н. Кожушаная
«Зона вне критики» (19) Э. Галимурза
«Игла» (21) А. Абрамович
«Исполнитель 977» (21) П. Беляев

«История одной бильярдной команды» (19)
Л. Алабин
«История русского офицера» (6)
Г. Чудаков
«Леди Макбет Мценского уезда» (24)
Н. Лагина
«Мерзавец» (21) А. Колбовский
«Нарушитель, или Свобода — это рай» (23)
К. Багдасаров
«Новые приключения янки при дворе ко-
роля Артура» (11) А. Д.
«Осень в Чертанове» (11) Н. Лагина
«Отступник» (4) Л. Васильев
«Отцы» (15) Э. Аскеров
«Прощай, шпана замоскворецкая!» (2)
Н. Сосина
«Слуга» (17) Е. Кабалкина
«Стереотипы» (22) А. Вяткин.
«Трагедия в стиле рок» (10) Л. Алабин
«Трудно быть богом» (9) П. Черняев
«Убить дракона» (9) М. Захаров
«Узник замка Иф, или Новые похождения
графа Монте-Кристо» (4) А. Эльдаров
«Филиал» (10) О. Сильванович
«Фонтан» (17) О. Ненашева
«Фрекен Танька» (13) П. Тодоровский
«Холодное лето пятьдесят третьего...» (5)
Л. Алабин
«Час полнолуния» (16) И. Арефьева
Зоркий А. (17) В Тбилиси и на холмах Гру-
зии

КТО? ГДЕ? КОГДА?
ХРОНИКА КИНО

2, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 19, 20,
21, 22, 24

МОЛОДЕЖНЫЕ ВЫПУСКИ

7, 13, 23

РЕТРОВЫПУСК (18)

СПЕЦВЫПУСКИ

Высоцкий Владимир (3)
Ромм Михаил (11)

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ГОДЫ

Вольпин М. «Другие напишут лучше нас...»
(24) М. Игнатьева
Габрилович Е. (9) «Человек — это сотни
захлопнутых комнат»
Кавалеридзе И. (20) Тернистый путь к
истине
Климов Э. (11) Оптимист, или Духовное за-
вещание
Ковалов О. (13) Виноватые станут судьями
Латышев А. (22) «Взять это дело в свои
руки»
Пименов В. (5) Он пел тихо, но его было
слышно
Раневская Ф. (17) Страницы из записной
книжки
Ромм М. (11) Как меня предавали суду
чести
Ромм М. (5) Семен Семенович Дукельский
Рошаль Л. (17) Ценой жизни
Рязанов Э. (6) Как я обижал Кутузова
Рязанов Э. (8) Звездный час «Кинопанора-
мы»
Рязанов Э. (19) Как я перешел на второй
курс
Сурков Е. Боль, которая все еще во мне (13)
В. Матизен
Фрид В. (8) О Каплере, об Алексее Яков-
левиче
Фрейлих С. (12) Возвращенное время
Харон Я. (15) Человек остается верен
своему гимну
Юрнев Р. (2) Судьба великого фильма

МОНПАНСЬЕ

Германова Евдокия (4)

Градов Андрей (4)
Метлицкая Ирина (4)
Миронов Андрей (4)

МОЛОДЕЖЬ

О МОЛОДЕЖНОМ ФИЛЬМЕ

Ведет И. С. Левшина:
«Не-е-ез!» или «Можно»? (6)
«Старше 60 лет не рекомендуется?» (14)
Теперь все зависит от вас (22)

НА ПУТИ К СЦЕНАРИЮ

Битов А. (19) Дремлют знаки зодиака
Ваксберг А. (4) Возвратить на доследова-
ние
Вишневецкая М. (7) Крот и яйцо
Городний Г., Цофин И. (23) Чертовое колесо
Лобачевская Е. (14) «...И были наши по-
мыслы чисты»
Смирнова М. (10) Зеленая тетрадь
Треер Л. (22) Волшебный мир кино, или
Похождения Мурмышкина
Фрид В. (2) Хочу рассказать...
Хуснутдинова Р. (8) Самозванец
Цофин И. (13) Чертовое колесо

ИНТЕРВЬЮ,

СТАТЬИ О ЗАРУБЕЖНОМ КИНО,
НА ФЕСТИВАЛЬНЫХ ОРБИТАХ,
КОМАНДИРОВКА ЗА РУБЕЖ

Андреев Ф., Малышев Ю. (6) Тридцатый
юбилейный
Андреев Ф. (14) Правда подлинного иску-
ства
Андреев Ф. (19) Фильмы Мюнхенского фе-
стиваля
Влади М. (3) Владимир, или Прерванный
полет
Далида: Я очень одинока (6) О. Третьяк
Зоркий А. (5) Чайки над Варной
Зоркий А. (22) Как летит шар
Ким С. (19) Легенда вокруг Нараямы
Климов Э. (14) Наш человек в Лос-Андже-
лесе
Кокарев А. (13) Из России — с любовью
Краснова Г. (20) От Суздаля до Будапешта
Лаврентьев С. (18) «...алмаз блеснет со дна
своею чистой гранью»
Лаврентьев С. (23) Прodelки в старинном
духе
Лаврентьев С. (8) Ретроспективный взгляд
Лукьянова В. (24) И спеть колядки...
Михалкович В. (18) Эти великопленные ге-
рои на Бежином лугу
Моро Жанна: «За успех артист должен пла-
тить» (22) А. Осипов
Михалков-Кончаловский Андрей: «Возвра-
щение к истокам» (8) А. Липков
Ненашева О. (21) Лежалый товар
Осипов А. (2) Джейн Биркин
Пажитнова Л. (20) Живые приметы века
Пинский Б. (2) Уроки Эгера
Рыбаков Ю., Малышев Ю. (9) Западный
Берлин. 39-й Международный кинофести-
валь
Свистунов А. (15) Разные лица Роберта
Редфорда
Солодов А. (19) Последнее интервью. Па-
мяти Раджа Капура
Сулькин О. (2) Рукопожатие Голема, или
Прогулка по необычному музею
Тирдатова Е. (10) Когда-нибудь я удивлю
этот город
Тирдатова Е. (23) Не тот Хичкок
Черняев П. (21) Откровенность за откро-
венность
Эльдаров А. (6) Курс на 17-ю параллель
Якубиско Юрай: Легко ли быть оптими-
стом? (12) В. Лукьянова

ПРЕСС-БОКС

5, 6, 8, 10, 14, 16

№ 24
декабрь 1988

КРИТИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА СССР
ПО КИНЕМАТОГРАФИИ
И СОЮЗА
КИНЕМАТОГРАФИСТОВ СССР
ОСНОВАН В 1925 ГОДУ
ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ

МОСКВА.
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК КПСС «ПРАВДА»

Главный редактор
Ю. С. РЫБАКОВ

Редакционная коллегия:
Ф. И. АНДРЕЕВ
(заместитель главного редактора),
А. В. БАТАЛОВ,
Е. В. БАУМАН,
Ю. А. БОГОМОЛОВ,
Б. В. ГОЛОВНЯ,
В. А. ГОЛОВАНОВ,
В. П. ДЕМИН,
М. Ф. ЛЕВИТИН
(ответственный секретарь),
А. А. МИНДАДЗЕ, Т. О. ОКЕЕВ,
Е. Н. ПТИЧКИН, Г. И. РЕРБЕРГ,
С. И. РОСТОЦКИЙ,
Э. А. РЯЗАНОВ, А. К. СИМОНОВ,
А. Е. СУЗДАЛЕВ,
О. С. ТЕСЛЕР
(главный художник),
Л. А. ФИЛАТОВ, С. И. ФРЕЙЛИХ,
К. Г. ШАХНАЗАРОВ

Художественный редактор
Л. Н. Гудкова
Оформление
Ю. И. Афонина

ПИШИТЕ ПО АДРЕСУ:
125319, Москва, А-319,
ул. Часовая, 5-б.
Телефон редакции:
152-88-21.

Фото, адреса актеров, ноты
и тексты песен редакция
не высылает.
Рукописи, рисунки
и фотоснимки
не возвращаются
и не рецензируются.

№ 24 (768) — 1988 г.
Сдано в набор 31.10.88.
Подписано к печати 10.11.88.
А 07771.

Формат 70×108½.
Глубокая печать.
Усл. печ. л. 4,20.
Уч.-изд. л. 6,50.
Усл. кр.-отт. 14,70.
Тираж 1 700 000 экз.
Заказ № 3307.
Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

© Издательство «Правда»,
«Советский экран», 1988 г.

На обложке —
актер Ремигиус САБУЛИС
(читайте о нем на стр. 15)
Фото Николая ГНИСЮКА

Сергей Юрский

Юрий Никулин

Александр Ширвиндт

ТРАГЕДИЯ В СТИЛЕ «РОК»

(СМ. СТР. 3)

Наркотики — это боль,
разочарованке,
опустошенность

«Левец» (в центре) — А. Маслов

Бабушка (слева) — А. Дмитриева

Лена Козлова — О. Алешина
Виктор Бодров — А. Шкотов
Фото Б. Бардина